В. Н. СОКОЛОВ

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

НОВОСИБГИЗ 1938

В. Н. СОКОЛОВ

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

По книге
„События на Лене в документах“
Партиздат, Москва, 1932 г.

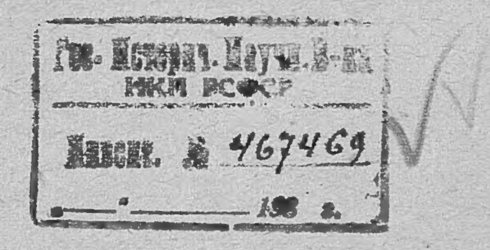
НОВОСИБИРСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК—1938

Редактор
Е. В. Бердникова

Техред
А. Л. Темиряев

Сдано в производство 1/IV-38 г.
Подписано к печати 11/IV-38 г.

Формат 70×108/32. Тир. 3650
Бум. л. 1,375. Печ. л. 2,75. Уч.-авт. л. 4,932. Инд. П-1-б.
Изд. № 2014. Новосибирск, типография № 1 Облисполкома.
Зак. № 1143. Уполном. Облита № 8070 от 11/IV-38 г.

„Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный под'ем масс“.

ЛЕНИН

—

ВВЕДЕНИЕ

Ленская стачка и расстрел сотен ленских рабочих 4 (17) апреля 1912 г. вошли незабываемой датой в историю российского революционного движения.

«Ленские дни, — указывает товарищ Сталин в своих воспоминаниях «К десятилетию «Правды», — явились результатом столыпинского режима «успокоения» [1].

Напоминая об этой полосе жестокой реакции, товарищ Сталин указывает на свирепствовавшие тогда карательные экспедиции, зверское подавление рабочего и крестьянского движения, разгром рабочих организаций, массовые избиения крестьян и, как прикрытие всего этого, черносотенно-кадетскую думу. «Скованность общественной мысли, общая усталость, нужда и отчаяние среди рабочих, забитость и запуганность крестьян при общем разгуле полицейско-помещичьей капиталистической своры — таковы характерные черты столыпинского «успокоения».

Контрреволюционная буржуазия поддерживала злобную месть царизма рабочим и крестьянам за 1905 год. Буржуазная интеллигенция бежала от революции и переходила в лагерь ее врагов. Меньшевистская и эсеровская партии ярко показали этот отход от революции и ренегатство буржуазных попутчиков. Они приспосабливались к царскому столыпинскому режиму, и ликвидаторы открыто проповедывали организацию новой легальной «столыпинской рабочей партии».

В условиях торжества контрреволюции и развала, распада оппозиционных и мелко-буржуазных революционных партий, только партия большевиков сохранила свою четкую принципиальную линию в непримиримой борьбе с самодержавием и со-

[1] «Правда», 1912 г. Выпуск 1, стр. XII.

циалистическом воспитании рабочих. Ленин и Сталин сплачивали большевиков, развертывали беспощадную борьбу на два фронта против ликвидаторов и троцкистов и «ликвидаторов слева» — впередовцев, отзовистов и пр. Под руководством Ленина и Сталина партия укрепляла подпольные организации, использовала все легальные и полулегальные возможности для воспитания и обучения масс в период отступления и подготовки их к новым революционным боям.

В яростной борьбе против партии троцкистско-ликвидаторские капитулянты направляли свои усилия на то, чтобы ослабить партию, лили потоки чудовищной клеветы на нее. Троцкистскую «политику лжи и обмана рабочих, политику лжи и прикрывательства ликвидаторства» всячески поддерживали подлые примиренцы Рыков, Томский, Каменев, Зиновьев, Сокольников. Двурушничая и маскируясь, они действовали как агенты меньшевизма, троцкизма в рядах партии. Полуликвидаторы, полутроцкисты они способствовали и тем и другим и помогали «ликвидаторам слева» Бухарину, Богданову, Любимову и др. в их борьбе с партией.

Вся дальнейшая борьба партии с этими злобными врагами партии и народа, вся их изощренная маскировка и предательство подтвердили лицемерие, беспринципность и готовность к любому преступлению, что так метко определил тогда товарищ Сталин, как политическое хамелеонство.

«...Отличительный признак хамелеона, — говорил товарищ Сталин,— в том, что он вечно меняет свою окраску. Как известно, всякое животное имеет свою определенную окраску; но природа хамелеона не мирится с этим, со львом он воспринимает окраску льва, с волком — волка, с лягушкой — лягушки, в зависимости от того, когда, какая окраска ему более выгодна, подобно тому, как это бывает с человеком лицемерным и беспринципным, — со мной он мой, с тобой твой, с реакционером реакционер, с революционером революционер, лишь бы как-нибудь пролезть в щель и достичь своей цели...»[1].

---

[1] Л. Берия. «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 45. Партиздат, 1937.

Провокаторская группа буржуазной агентуры в рабочем классе прошла до конца свой позорный путь, докатившись до фашистских убийц, диверсантов, шпионов, вредителей в борьбе против социалистического отечества трудящихся. Старое искусство хамелеонства, двурушничества, предательства принесла она на службу фашизму, замышляла и проводила чудовищные преступления против свободного и счастливого народа и готовилась залить кровью нашу родину, чтобы возродить капиталистическое рабство в стране Советов.

Под руководством Ленина и Сталина большевики не только отстояли в тяжелые годы реакции революционную партию пролетариата, закалили ее, но и завоевали на свою сторону огромное большинство внутри социал-демократических организаций. Пражская конференция изгнала из рядов РСДРП ликвидаторов, покончила со всяким даже формальным об'единением с меньшевиками и окончательно изгнала их из РСДРП. Она очистила ряды партии также и от ликвидаторов партии «слева».

«Большевики являются единственной в мире революционной организацией, которая разгромила до конца оппортунистов и центристов и изгнала их вон из партии». (Сталин).

Укрепив большевистское единство и боеспособность своих рядов, партия возглавила начавшийся новый революционный под'ем.

Под'ем рабочего движения обозначился со второй половины 1910 года. Основным орудием борьбы являлись стачки — испытанное средство пролетариата. Рост стачечного движения (в 1910 году было 50 тысяч, а в 1911 году — 100 тысяч бастующих), перерастание экономических стачек в политические, рост демонстраций — показали, что начинается полоса нового под'ема, что «полоса полного господства черносотенной реакции кончилась... Пролетариат, отступавший — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в наступление»[1].

Партия возглавила это наступление. Пролетариат шел навстречу новой революции под лозунгами большевиков: «свер-

[1] Ленин. Сочинения, т. XIV, стр. 392.

жение самодержавия и демократическая республика, конфискация всех помещичьих земель и восьмичасовой рабочий день».

Ленские дни открыли эту новую страницу массовой революционной борьбы пролетариата. «Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный под'ем масс. Нет ничего более лживого, — говорил В. И. Ленин, — как либеральная выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким в венской «Правде», будто «борьба за свободу коалиций является **основой** как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране». В ленской стачке вовсе не было ни специфического, ни главного требования свободы коалиций. В Ленском расстреле обнаружилось вовсе не отсутствие свободы именно коалиций, а отсутствие свободы... от провокации, от общего бесправия, от огульного произвола»[1].

* * *

19 апреля (2 мая) 1912 г. товарищ Сталин писал в газете «Звезда»: «Ленские выстрелы разбили лед молчания, и — тронулась река народного движения.

Тронулась!..

Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия — все это собралось в одном факте, в событиях на Лене.

Вот почему именно ленские выстрелы послужили сигналом забастовок и демонстраций».

На примере Ленских приисков ярко подтверждалось, как «...интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма»[2].

Ленские дни вскрыли основу этого слияния — чудовищную эксплоатацию рабочих, поддерживаемую органами государственной власти, всесилие капитала и деспотизм царизма. Гнет и бесправие рабочих и колоссальные прибыли «Лензото» —

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 534.
[2] Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 5, изд. 10-е.

взаимно связанные стороны белозеровского режима — сколка третьеиюньского режима царской монархии.

Приведем несколько фактов, показывающих кабальное, бесправное положение рабочих. Вот что говорится в одном из пунктов договора «Лензото».

«До окончания срока настоящего договора никто из нас требовать себе расчета, без особо уважительных причин... не имеет права. Управление же может уволить нас во всякое время по одной из следующих причин: а) за неспособность к работе; б) за неявку на работу более трех дней сряду без уважительных причин; в) за леность; г) за дерзость или дурное поведение; д) в случае обнаружения у кого-нибудь из нас заразной болезни; е) за сборища толпами, угрожающие порядку и спокойствию и ж) за всякое вообще нарушение с нашей стороны в чем-либо настоящего договора»[1].

Вся система управления была направлена на выполнение этого рабского договора. Многочисленная армия служащих, инженеров, нарядчиков, штейгеров, полиции, военных частей служила охраной господства «Лензото», как и развернутая система шпионажа. Рабочие были в кругу врагов, в полной власти приисковой администрации. От железной дороги их отделяло расстояние в 1.700 километров. Весной и осенью всякое сообщение Ленского края с остальным миром прерывалось на 2—3 месяца (сохранялась только телеграфная связь). Уйти на другую работу в Ленском крае было некуда. «Лензото» являлось монопольным хозяином края — ему принадлежали 423 прииска на территории около 130 тысяч кв. км.

Правительственные чиновники, суд, представители прокуратуры обеспечивали лишь господство «Лензото». Положение рабочих определяло «полное отсутствие элементарной законности». (Ленин).

В своем стремлении раскрыть белозеровский режим, бесправие и нестерпимый гнет, рабочие писали в докладной записке Манухину:

«Мы живем здесь отрезанные от всего мира, особенно за

---

1 «Ленские события», приложение № 1. Центрархив.

время с осени по весну. В это время мы находимся в полной зависимости от приисковой администрации. Управление имеет все средства держать нас в полном своем подчинении и полной кабале, хотя мы работаем по срочному найму и, казалось бы, обеспечены постоянным заработком до срока и защищены законом от притеснения, но это совершенно неверно. Нам некуда было итти жаловаться — всякий наш шаг известен администрации и всякая жалоба может привести к наказаниям в том или другом виде. Мы должны молчать при всех нарушениях закона, не находя нигде защиты».[1]

Используя кабальные условия труда рабочих, «Лензото» пожинало многомиллионные барыши.

В то время, как зарплата рабочих не повышалась с 1908 по 1912 г., «Лензото» увеличивало свои доходы.

Так, по официальному отчету за 1910—1911 г. прибыль «Лензото» составляла 6,8 миллиона рублей, т. е. на 4,7 миллиона рублей больше, чем предполагалось по смете. Тысячерублевая акция была доведена на бирже до 3 500 рублей.

Махинации при определении нормы выработки и расценках приводили к тому, что рабочие при крайнем напряжении не вырабатывали больше 1 р. 50 к. Штрафы, обмеры еще более уменьшали заработную плату.

Опрос 3704 ленских рабочих, во время проезда их через Иркутск, показал, что 59 процентов рабочих зарабатывали в месяц всего лишь от 30 до 40 рублей, 25 процентов зарабатывало до 45 руб. и только 2,2 процента опрошенных рабочих зарабатывали до 60 руб.

При таком заработке вздутые цены в магазинах «Лензото», использовавшего монополию торговли на приисках, делали совершенно невыносимой жизнь не только семейного, но и холостого горняка. В то же время «Лензото» за одну операцию 1910—1911 гг. имело от своих магазинов на приисках свыше 174 тысяч рублей чистой прибыли.

«Золотые рабы» — так звали себя ленские горняки. «Капитал, становясь все крупнее, сильнее давил на рабочих, пре-

[1] «Ленские события», приложение № 3, стр. 22—23. Центрархив.

вращая их в нищих, принуждая отдавать все свое время фабрике, загоняя на работу жен и детей рабочих» (Ленин).

На Лене это проявлялось в наиболее бесчеловечной и варварской форме.

Тов. Соколов в своей работе показывает каторжное положение рабочих, каторжные условия труда, расплату жизнью за полное отсутствие какой-либо охраны труда (за 1911 г. на 5 440 рабочих было 897 несчастных случаев), почти полное отсутствие медицинской помощи, хотя с каждого рабочего бралось за медицинскую помощь 2 р. 50 к., с каждой работницы 1 р. 50 к. Несмотря на то, что основная масса рабочих была в возрасте от 20 до 40 лет (в 1911 году их было 77,07%), при чем это были здоровые, исключительно сильные физически люди, — шахтеры не выдерживали длительной работы на приисках. По данным главной промысловой конторы, в составе рабочих было 1971 работающих первую операцию, 2329 — вторую, 1037 — третью и только 879 — четвертую.

«Только очень здоровые физически люди... в состоянии проработать более двух-трех операций» — вынуждена была констатировать комиссия царского сенатора Манухина.

Особенно бесправным, крепостным, как его правильно называли рабочие, было положение женщины. В 1910—1911 гг. на производстве было занято 1307 женщин, но они не признавались самостоятельными юридическими лицами и договоров с ними не заключалось.

С женщиной не считались, ее отрывали от семьи, бросали на дальние прииски, не считались с состоянием здоровья, беременностью и посылали на тяжелые работы наравне с мужчиной; обходные отбирали красивых женщин и отправляли их «для домашних услуг» служащим. Отказ или сопротивление грозил мужу расчетом и выбрасыванием с рудника.

Рабочий, его жена и дети были во власти «Лензото». И эта власть попирала всякое человеческое достоинство.

Вот почему в массе рабочих росло сосредоточенное возбуждение, страстная ненависть к угнетателям. Достаточно было искры, чтобы все возмущение, гнев вспыхнули в массовом протесте рабочих. Таким протестом была Ленская стачка.

Ленская стачка клеймила насилие белозеровского режима. Экономические требования стачки были требованием отмены основных его устоев.

Острая классовая борьба столкнула ленских шахтеров со всей системой третьеиюньского режима. Рабочие Ленских приисков не отступили в этой борьбе. Борьба рабочего отряда в далекой глухой тайге была составным звеном борьбы рабочего класса против подлого, невыносимого режима самодержавия. Она стала составным звеном революционного под'ема 1912 г.

**
*

Ленские дни еще раз показали, что «Россия была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна» и что во главе неизбежной величайшей народной революции «стоял революционнейший в мире пролетариат, имевший в своем распоряжении такого серьезного союзника, как революционное крестьянство...»[1]

Россия переживает революционное состояние, — говорил В. И. Ленин, — потому, что в максимальной степени обострилось угнетение громаднейшего большинства населения, «причем этот обостренный гнет, голодовки, нищета, бесправие, надругательство над народом находятся в вопиющем несоответствии и с состоянием производительных сил России и со степенью сознательности и требовательности масс, пробужденных пятым годом, и с положением дел во всех соседних, не только европейских, но и азиатских странах».[2]

Ленские события поставили лицом к лицу лагерь угнетения — «палачей и крепостников, монархии и охранки» и лагерь грядущей революции — революционный класс, способный «претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания» (Ленин).

Вместе с тем они еще раз подтвердили, что «царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачи-

---

[1] И. Сталин. «Вопросы ленинизма, стр. 4—5, 10-е издание.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. XVI, стр. 486—487.

вания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе».[1]

На опыте борьбы в глухом углу, где господствовала акционерная компания «Лена-Гольдфильс» и ее царские союзники и охранители, подтверждался общий прогноз ленинской теории революции: «кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма...»[1]

На защиту прибылей и доходов союза царских и иностранных хищников на Лене была мобилизована вся система режима третьеиюньской монархии. Тов. Соколов показывает в своей работе, как проходит эта мобилизация черных сил реакции, показывает методы борьбы монополистического капитала с рабочими: провокацию, репрессии, попытки задушить голодом, выгнать на верную смерть в тайгу, аресты и, наконец, чудовищную кровавую расправу с мужественным отрядом рабочих.

«Вовсе не борьба за одно из прав, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во всех отношениях. Характерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов. Именно это общее бесправие русской жизни, именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что зажгли массы революционным огнем».[2]

Вместе с тем, четырехмесячная стачка заброшенных и отдаленных от всего мира рабочих показала их исключительную выдержку, дисциплину и морально-политическую стойкость в борьбе с врагом.

Выдвинутые большевистски настроенными рабочими основные требования были поддержаны и приняты всей массой рабочих. Они били по важнейшим звеньям эксплоатации, бесправия и надругательства «Лензото».

---

1 И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 5, изд. 10-е.
2 В. И. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 534.

Рабочие требовали: 8-часовой рабочий день вместо 11½—12-часового, оплаты сверхурочных работ и оплаты времени хождения на отдаленные работы, увеличение заработной платы на 30 процентов, против фактически проведенного «Лензото» за последние месяцы 20-процентного снижения зарплаты, отмены штрафов — этого дополнительного источника снижения зарплаты рабочих.

В царстве самой грубой хищнической эксплоатации и бесправия шахтеры требовали своего рабочего контроля над действиями администрации, требовали, чтоб увольнение рабочих допускалось лишь с согласия избранной рабочими комиссии, чтобы обмер забоев и замер выемки породы проводился при контроле рабочих. Шахтеры требовали уважения человеческого достоинства, прекращения издевательского отношения администрации, вежливого обращения с рабочими и увольнения 25 лиц из администрации, которые вызывали особенное возмущение.

Рабочие и работницы требовали отмены принудительного труда женщин.

Шахтеры об'явили бой белозеровскому режиму английских эксплоататоров и царских чиновников. Эти требования вносили то новое, что отмечает В. И. Ленин в своих статьях о стачках нового под'ема рабочего движения, как начала перехода пролетариата в наступление.

Требования ленских шахтеров были выработаны на пятитысячном собрании рабочих и на утро утверждены таким же вторичным собранием.

Рабочие не ждали добра от администрации, часть ее бежала, другая по приказу свыше начала «действовать», стремясь скрыть свои преступления, но встретила организованный отпор рабочих.

Так, рабочие не дали затопить указанные «Лензото» шахты, поставили охрану у шахт, складов, магазинов, выделили необходимые участки (электростанция, водоотливы, конный двор и пр.), где работа должна продолжаться.

С первых шагов Ленской стачки, охватившей все основные рудники и превратившейся во всеобщую стачку на приисках, — обращает на себя внимание исключительная организованность

стачки, дисциплина и твердая решимость бороться до конца. Эти черты — отражение того роста сознательности масс, пробужденных революцией 1905 года, о которых говорит В. И. Ленин.

Школа революционной борьбы 1905 года дала свои результаты — Ленская стачка 1912 года резко отличается от кратковременных стачек на Лене в 1905 г. и в 1890-х гг.

Стачка продлилась четыре месяца. Три этапа ее следует отметить.

Глухое недовольство и возбуждение рабочих нарастали все сильнее и сильнее еще до стачки, группа большевиков и большевистски настроенных рабочих готовилась к стачке. Незадолго до стачки она была разгромлена, участники ее, работавшие под прикрытием созданного ими легального кружка по организации культурной работы среди рабочих, были разбросаны по приискам. Это усилило их связи с передовыми рабочими различных приисков.

29 февраля (по ст. стилю) вспыхнула стачка на Андреевском руднике, как протест против гнусного издевательства администрации.

В течение пяти дней стачка охватила все основные прииски Витимского и Олекминского золотопромышленных районов, распространяясь на самые глухие, заброшенные в тайге прииски.

В ночь на 3 марта совещание выборных делегатов рабочих избрало стачечный комитет. Председателем его был Баташев, социал-демократ, рабочий-металлист, первым заместителем — Г. В. Черепахин, вторым заместителем — Р. Зеленко. Оба — большевики. При поддержке Баташева они составили крепкое большевистское ядро стачечного комитета, руководившее всей борьбой ленских шахтеров.

Начало стачки характеризуют: легальность борьбы, отступление и растерянность местной администрации перед единодушно выступившей массой рабочих и надежды этой массы шахтеров на то, что, прорвав кольцо врагов на месте, они заставят признать законность их требований в центре.

Первые же телеграммы министра торговли и промышленности, горного департамента и горнозаводского присутствия пока-

зали единый фронт царских министров и «Лензото», телеграммы требовали немедленно приступить к работе и угрожали карательными мерами, если рабочие будут продолжать стачку. Меньшевики присоединили к этому фронту свой предательский голос. Сибирский депутат государственной думы Белоусов сообщил, что «одни требования рабочих невыполнимы, другие неосновательны».

Рабочие ответили на эти телеграммы решением продолжать стачку, отвергнув 10 пунктов ответа «Лензото», не изменявших положения рабочих.

Провокации «Лензото», поддержанные репрессиями царских чиновников, суда и полиции, с одной стороны, и **организация** массы рабочих, их сплоченности и отпора провокациям, с другой — характерны для этого первого периода борьбы рабочих Ленских приисков с международным и «отечественным» капиталом, поддерживаемым всем правительственным аппаратом.

Своей дисциплиной и организованностью рабочие парализовали в этот период меры «Лензото» по срыву стачки. Рабочая охрана у машин, водоотливов, шахт, складов предупреждала попытки провокации со стороны «Лензото».

При арестах выборных рабочие двигались к арестному помещению толпой в 500—600 человек с требованием освобождения арестованных. Так же организованно рабочие приходили для осмотра арестных помещений, чтоб удостовериться, не успела ли полиция выдернуть кого-либо из товарищей. Осматривали и поезда[1] с этой же целью. Полиция решила вывозить арестованных на дальние прииски. Тогда, по сообщению стачечного комитета, поднимались местные рабочие и добивались освобождения своих выборных.

Сорвалась и попытка «Лензото» вызвать рабочих на открытый бунт. Правление приисков передало мировому судье 1199 исков о выселении рабочих с прииска. 15 марта мировой судья рассмотрел первые 32 иска и, как верный служака «Лензото», приговорил рабочих к выселению. Но попытка реализации этого мероприятия (на Феодосиевском руднике) не удалась. Тысячная

[1] Бодайбо — административный центр края—и главные прииски были связаны железнодорожной веткой.

толпа рабочих окружила тесным кольцом воинскую часть и выселяемых. С других приисков также двигались массы рабочих. Полиции пришлось отставить выселение.

«Лензото» вынуждено было также отступить от своего распоряжения прекратить выдачу продовольствия рабочим. Волнение рабочих было настолько велико, что даже губернатор, роль которого подробно и последовательно выявлена в работе тов. Соколова, должен был вмешаться и требовать выдачи продовольствия.

Единодушие и стойкость рабочих побеждали натиск «Лензото» и правительственного аппарата.

С приездом Тульчинского и Трещенкова — представителя «Лензото» и представителя департамента полиции, 22 марта начинается новый этап стачки — переход «Лензото» в развернутое контр-наступление, цель которого разгромить военной силой рабочих, подавить стачку, не останавливаясь перед расстрелом массы рабочих.

На это направлена мобилизация всех средств подавления ротмистром Трещенковым, опытным жандармом и палачом, собственноручно пытавшим и расстреливавшим рабочих в своей прошлой «деятельности». Трещенков ввел в действие военное положение на приисках, репрессии, сыск, аресты и военную силу карательного отряда, — как главные средства подавления стачки.

Этому служит вся цепь предательства и провокации, поставленная на ноги Тульчинским. Этому служит прекращение «Лензото» снабжения приисков продуктами.

Рабочие терроризированы. Стачечный комитет, выборные рабочие — на нелегальном положении. Их тщательно охраняет все рабочее население.

Организаторская работа переведена в подполье.

Борьба продолжается и становится все более острой. Она политически воспитывает и закаляет рабочих и, показывая неразрывную связь ленских эксплоататоров со всей системой самодержавия, разрушает надежды на мирный исход стачки.

Кровавая расправа 4(17) апреля со всей силой вскрыла перед рабочими невозможность победы в борьбе с «Лензото» без борьбы со всей системой самодержавия.

Стали известными: готовившаяся вначале попытка расстрела рабочих Феодосиевского прииска, присутствие товарища прокурора иркутского окружного суда при расправе для придания «законного характера» расстрелу мирно идущей трехтысячной массы рабочих.

На приисках царила обстановка неслыханного произвола. Трещенков, требуя приступить к работе, угрожал расстрелом.

«В больнице, брошенные как попало, лежали груды раненых рабочих. Кое-где только клочья сена, служившие постелью раненым. Пол покрыт кровью. Вся палата оглушена стонами умирающих «за что, за что».

В котловине в беспорядке навалены трупы убитых. На лицах многих страдание. Много обезображенных от пуль. Отчаяние, ужас наполняли котловину. Женщины искали своих мужей, детей, отцов. Несколько женщин сошли с ума.

Через 4 дня рабочие хоронили товарищей, погибших от царских пуль».

Вспоминая эти кошмарные дни, рабочие говорят: не было ни одного человека на шахтах, в бараках, кто не думал бы мучительно, что делать дальше.

Об этих думах, о мыслях всех рабочих говорит товарищ Сталин:

«...Правительство нашло нужным расстрелять рабочих, мирных, безоружных рабочих, с табачными кисетами в руках, с заявлениями в карманах об освобождении арестованных товарищей...

Трещенко не привлечен к ответственности, — не ясно ли, что он действовал по распоряжению свыше?

Решено привлечь рабочих, а не Трещенко, — разве не ясно, что кому-то нужна была кровь пролетариата?»

«Двух зайцев хотели убить в день выстрелов, — говорит товарищ Сталин.

Во-первых, удовлетворить алчные аппетиты ленских людоедов.

Во-вторых, припугнуть рабочих других городов и местностей, —дескать, несите безропотно ярмо капитала, а то сделаем с вами то же, что с ленскими рабочими.

В результате — не достигли ни того, ни другого.

Ленские людоеды не удовлетворены, ибо забастовка на приисках продолжается.

Рабочие же других городов не только не напуганы, а, наоборот, в знак протеста против расстрелов подымают забастовку за забастовкой.

Более того. На «об'яснения» Макарова столица России, Петербург, ответила демонстрацией тысяч студентов и рабочих...

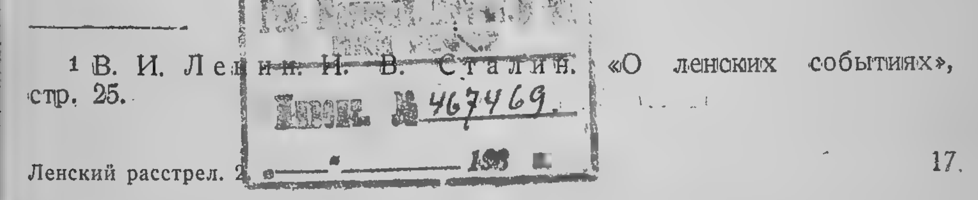
От мирной экономической забастовки на Лене—к политическим забастовкам по России, от политических забастовок по России — к многотысячной демонстрации студентов и рабочих в самом центре России, — вот чего добились представители власти в своей борьбе с рабочими».[1]

Экономическая стачка ленских горняков переросла в политическую борьбу со всем режимом самодержавия. Мощный протест всего пролетариата России был ответом царизму.

В телеграмме, посланной рабочими 6 апреля члену Государственной думы Полетаеву (большевику), рабочие писали: «3 апреля наши выборные арестованы и препровождены в Бодайбинскую тюрьму. Считая арест незаконным, мы 4-го направились на Надеждинский прииск к окружному инженеру Тульчинскому и ротмистру с просьбой освободить арестованных. Во время переговоров Тульчинского с толпой раздалась команда «пли», — 270 убитых, 250 раненых. После первого залпа толпа полегла... Стреляли в лежащих; в убегавших вдогонку выпустили по пятнадцати пуль каждый. Убиты также женщины; две ранены в помещении. Повторяем, никаких насилий мы себе не позволили целый месяц. Вопли отчаяния вдов, сирот. Окружающее население в паническом ужасе, мирные рабочие терроризированы, краю грозит разгром... Представитель рабочих «Лензото» Баташев».

Поддержанные всем рабочим классом, ленские шахтеры решили продолжать стачку.

Основным требованием этого третьего этапа стачки является

[1] В. И. Ленин. И. В. Сталин. «О ленских событиях», стр. 25.

решение рабочих не оставаться на Лене. Продолжая стачку, требовать расследования убийства рабочих и вывоза с приисков.

Ленский расстрел вызвал грозную волну революционного под'ема рабочего класса в России и мощное эхо протеста международного пролетариата. Тактика правительства и «Лензото» в этот момент направлена на то, чтобы скрыть следы преступления, добиться раскола среди рабочих и ликвидации стачки.

Губернатор, генерал-губернатор, правительственная комиссия сенатора Манухина, юридическая комиссия 16 столичных адвокатов, директивы руководителей «Лензото» — все мобилизовано на то, чтобы заставить рабочих прекратить стачку.

— Пойду на работу тогда, когда ты, мерзавец, воскресишь убитых.

Этот ответ забойщика Нестеренко жандарму был ответом всех рабочих Ленских приисков.

Длительно и безнадежно обрабатывали шахтеров адвокаты во главе с главноуговаривающим Керенским, убеждая «в необходимости для расследования показать шахты в работе», пока стачечный комитет разрешил рабочим временно приступить к работе. Условием было поставлено: немедленное расследование всех преступных действий «Лензото» и привлечение к суду всех виновников расстрела рабочих.

Две недели работали шахтеры, ожидая расследования и его результатов. Но вместо привлечения к суду «Лензото», комиссия сенатора Манухина предложила новый договор рабочим.

Две тысячи рабочих Феодосиевского рудника, первыми обсуждавшие договор 27 июня, вынесли постановление, в котором говорили, что новый договор не дает «тех существенных изменений, которые дороги рабочим... порядок не изменился. Администрация приисковая та же, и крепкий белозеровский режим не изменился и в присутствии ревизии. Виновность ленцев («Лензото») не установлена... Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекла виновных в 4 апреле, а наши выборные сидят в тюрьме».

Рабочие заявили, что они «считают невозможным подписать договор при этих условиях», «к работе не приступают» и требуют вывоза с Лены.

28 июня все остальные прииски одновременно вынесли такую же резолюцию. 28 июня по предложению стачечного комитета все работы были прекращены. Стачка продолжалась.

«Следствие по совершённому злодеянию на приисках считаем в данный момент оконченным, пусть судит история. Прекращая работы, требуем немедленной эвакуации».

Это заявление стачечного комитета было ответом всей 8000-ной массы горняков.

В ответ на расстрел 4 апреля, в ответ на безнаказанность преступлений рабочие об'явили бойкот «Лензото».

С 4 июля началась эвакуация рабочих с Ленских приисков.

По постановлению общих собраний тысячи инструментов были затоплены в шахтах, деревянные — сложены в кучи перед бараками и сожжены. Жены рабочих уничтожали все хозяйственные предметы.

— Пусть ничего не достанется ленцам, — говорили рабочие.

Твердое решение выезда с Лены всех горняков было политической демонстрацией ленских шахтеров против самодержавия, против господствующего беззакония и произвола. Они осуществили ее так же единодушно, как провели всю стачку.

**
*

Ленская стачка была суровой и жестокой школой политического воспитания шахтеров.

Решающую роль сыграли в стачке большевики и большевистски настроенные рабочие.

Кадры руководителей и организаторов стачки дала революция 1905 года.

«Мы не профессионалы-революционеры, — говорит председатель стачечного комитета Черепахин, — мы учились на стачке 1902 г., на стачках и вооруженном восстании 1905 года».

На приисках было очень немного большевиков рабочих: Черепахин — ростовский рабочий, участник вооруженного восстания и член партии с 1905 года, Р. Зеленко — большевик, участник вооруженного восстания 1905 г., сосланный на поселение в Якутскую область, Лебедев — матрос, отбывший каторгу за участие в вооруженном восстании, Подзаходников П., Корнеев и др.

Но они опирались на широкие кадры старых рабочих, значительная часть которых была (а другая в ходе стачки стала) такими, к которым вполне можно отнести замечание Ленина о беспартийном активе Советов в 1905 г. Они были — «не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением»[1].

Большевики правильно поставили основной задачей «противопоставить действиям ленцев еще большую организованность рабочих масс, непосредственно связав их с центральным руководством».

Созданный с первых дней стачки по всем рудникам институт старост — выборных низовых организаторов — сыграл огромную роль в стачке.

Была выработана подробная инструкция, указывающая этим рабочим депутатам и организаторам, как бороться с таким врагом, как «Лензото», охранять рабочие бараки от вторжения полиции, обеспечивать моральное единство в коллективе рабочих, бороться с провокаторами, шпионами.

«Староста и его помощники не должны покидать барака во время дежурства. Кто бы ни пришел в барак, должны оказывать ему полное гостеприимство. Посетившего напоить чаем, накормить, спросить, с какого он прииска и какого номера барака. Спросить имя и фамилию и немедленно передать выборному или же самому позвонить на тот прииск и справиться, есть ли такой в таком-то бараке и дома ли он. Если после проверки по телефону устанавливается, что этот человек обманул, тогда необходимо такого человека зазвать на тайное совещание в сушилку, запереть его там и держать, пока не выяснится настоящее его лицо, местопребывание и служба».[2]

Все постановления и инструкции стачечного комитета передавались через старост и становились немедленно известными всем рабочим на приисках.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. VIII, стр. 410.

[2] «События на Лене в документах» стр. 33.

В своей борьбе за массы, против предателей меньшевиков, пытавшихся сорвать стачку, большевистское ядро стачечного комитета и большевистски настроенные передовики-рабочие опирались на эти кадры низовых агитаторов и организаторов рабочей массы.

Характерно, что одним из первых острых боев с меньшевиками был именно вопрос об этой широко разветвленной и охватывающей всех рабочих организации связи и руководства.

«К сожалению, передовым рабочим в нашем кровном деле укрепления нашей родной социал-демократической партии», — говорил товарищ Сталин в воззвании тифлисских большевиков к рабочим, — «помимо политических рогаток, провокаторов и прочей сволочи приходится наталкиваться на новое препятствие в наших же рядах, а именно на людей с буржуазной психологией, на людей, которые в нашей пролетарской среде являются проводниками буржуазного влияния на рабочий класс»[1].

Такими проводниками буржуазного влияния на рабочий класс в Ленской стачке были политические ссыльные меньшевики.

Рабочие обращались к ним, как к политическим деятелям. Но значительная часть меньшевиков устроилась на службе у «Лензото». Не плохо подкармливаясь с хозяйского стола, они боялись потерять места, и с самого начала противодействовали стачке, страшили арестами и пророчили неизбежный крах стачки.

«Стачка ни к чему не приведет», — говорили они, — «нас арестуют и вышлют, рабочих разгромят». Один из руководителей стачки — первый председатель стачкома — Баташев рассказывает о том, как встретил меньшевик Розенберг его обращение к нему принять участие в стачке: «Я обратился было к Розенбергу, но тот, предупредив меня, заявил: «Хорошо бы горняки пришли с дубинками нас снимать. Если мы сами об'явим забастовку, то нас арестуют». — «Ах ты, политическая ошибка!» — с досадой сказал я и отошел от него прочь. Надо было действовать».

---

[1] Л. Берия. «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 118.

Так же встретил стачку лидер меньшевиков Думпе. По воспоминаниям т. Черепахина «он все время хныкал и был против того, чтобы начать стачку, предложил подождать пока администрация не ознакомится с требованиями рабочих».

В ходе стачки меньшевики всех толков об'единились в тесно сколоченную группу, пытавшуюся сорвать стачку.

Большевики-рабочие не отделяли экономических требований от политической борьбы рабочего класса. Меньшевики же все усилия направляли на то, чтобы стачка имела только экономический характер. В своей ликвидаторской тактике они использовали все средства, чтобы добиться уступок со стороны рабочих, добиться «частичных соглашений» и сорвать всеобщую стачку.

В этом духе вели они агитацию среди рабочих и особенно старались «обработать» руководящие кадры: членов стачечного комитета и низовой актив организаторов. Они направляли все усилия на раскол руководства стачкой.

Тактика этих врагов пролетариата на Лене была такой же, как и по всей России.

На этапе революционного под'ема масс меньшевистско-троцкистская свора стремилась расколоть движение.

«Экономические и политические стачки, то чередуясь друг с другом, то переплетаясь в одно неразрывное целое, сплачивали массы рабочих против класса капиталистов и самодержавного правительства, вносили брожение во все общество, поднимали на борьбу крестьянство».[1]

Меньшевики, троцкисты и их подголоски и соучастники боялись революционного под'ема, стремились ограничить его, свести борьбу пролетариата к частичным требованиям, ограничить рабочий класс, на который ложилась задача мобилизации всех демократических революционных сил, экономическими требованиями.

Меньшевики на Лене делали общее предательское дело вражеской агентуры в рабочем классе.

Предательская тактика меньшевиков особенно выявилась на совещании, созванном главным инженером Тульчинским — гну-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XIV, стр. 392.

спейшим хамелеоном, шпионом и провокатором. На заседании стачечного комитета, после «рабочелюбивых» исповедей Тульчинского, меньшевики выступили с планом срыва стачки, и им удалось расколоть стачечный комитет на две части. Тринадцать членов стачечного комитета — большевики и большевистски настроенные рабочие — не подчинились случайно подобравшемуся большинству (17 ч.) при решении вопроса о стачке. Разоблачая ликвидаторские планы и действия меньшевиков, революционная часть комитета обратилась к массам. И масса рабочих поддержала их, подтвердив решение продолжать стачку.

Меньшевики и эсеры Думпе, Розенберг, Попов и др. открыто поддерживали провокаторскую тактику Тульчинского и вместе с ним «напряженно» бились за то, чтобы ослабить решимость рабочих. Как опытные предатели, они организовали провокаторскую травлю большевиков. Так было, например, на Андреевском руднике, где они пытались оклеветать т. Зеленко — одного из видных организаторов и руководителей стачки.

Но большевики опирались на классовое сознание рабочих. Шеститысячная масса шахтеров мужественно продолжала борьбу, не отступая от своих основных требований. Характерно голосование на Феодосиевском руднике — крупнейшем по числу рабочих и ведущим в стачке. Здесь, в присутствии Тульчинского, после выступлений его и меньшевиков, были поставлены две бочки, как их называли в шутку — «большевистская» и «меньшевистская». На одной было написано «выйду на работу», на другой — «не выйду на работу».

Уже вскоре после начала голосования «большевистская» бочка была полна, и камни из нее начали сыпаться. Когда же опрокинули вторую бочку, в ней было от силы камней 16-17.

Нечего говорить о том, что после расстрела рабочих меньшевики пытались взять реванш, по-плехановски заявляя: «не надо было начинать стачку, надо было прекратить ее во-время».

В борьбе, которая становилась все более острой, передовикам-руководителям пришлось преодолевать и ультра-левые замашки анархистов и части эсеров, предлагавших устраивать взрывы и террористические акты. Эти предложения прямо шли

навстречу политике Трещенкова, задачей которого было вызвать рабочих на открытое столкновение, чтобы выполнить продиктованный «Лензото» и царским правительством расстрел рабочих.

В работе большевиков-рабочих, членов стачечного комитета были ошибки. Такой грубейшей ошибкой было согласие на переговоры с инженером Тульчинским. Восьмичасовые переговоры оголили прииска, облегчили шпионско-провокаторскую работу агентов «Лензото» и полиции среди рабочих и помогли меньшевикам внести хотя бы временно раскол в среду выборных.

Рабочая масса правильно ответила на меньшевистско-провокаторскую работу. Выборные, голосовавшие за прекращение стачки, были переизбраны.

В процессе борьбы большевики и большевистски настроенные рабочие изживали свои ошибки. Ход борьбы воспитывал и закалял рабочий актив, поднимая его до роли политических руководителей рабочих масс. Их напряженные бои с ликвидаторами, их влияние в массах и тесная связь с ними — сказались в стойкости ленских шахтеров и их четырехмесячной стачке в условиях неслыханного террора и провокаций.

Поведение рабочих на втором этапе стачки и особенно после расстрела 4 (17) апреля — показатель политического роста всей массы рабочих.

Тов. Соколов шаг за шагом прослеживает всю систему провокаций, подготавливавшей кровавую расправу с рабочими, исключительный героизм которых не могли сломить ни голод, ни вызов войск.

В воззвании рабочих правильно расценивалась тактика Тульчинского и Трещенкова — этих цепных собак самодержавия:

«Тульчинский с пеной на губах кричит, что он сторонник рабочих, мы ему не верим. Знаем, что он меняет свою шкуру по сезону», — говорилось в этом воззвании. «Не смущает нас также собачья морда жандармского ротмистра (Трещенкова). Пусть он лает сколько угодно...»

«Лензото» теперь всеми правдами и неправдами хочет восстановить старый порядок, но этого больше не будет».[1]

---

[1] «События на Лене в документах» стр. 32—33.

Мужество и дисциплину рабочих не сломил арест стачечного комитета и выборных. На место арестованных членов комитета встали новые люди, выросшие в ходе стачки—низовые организаторы, встали люди, выбранные, как верные, преданные делу бойцы рабочего класса. Стачка продолжалась.

Воспоминания говорят, что перед расстрелом рабочие ожидали новых репрессий, так, было известно о поездах, которые подвозили из Бодайбо воинские части. Теперь рабочие уже не могли сами освобождать арестованных, как они делали это вначале, и они решили итти требовать освобождения своих выборных.

Руководители стачки предупреждали о возможности повторения гапоновщины, но, натолкнувшись на непреклонную решимость рабочих масс, они встали в первых рядах тысячного шествия рабочих.

Расстрел сотен рабочих не сломил шахтеров. Этот жестокий урок только еще более подчеркнул теснейшую связь экономической и политической борьбы рабочих.

Политическая зрелость рабочих сказалась в их ответе царскому сенатору Манухину: «других выборных мы выбирать не будем, у нас есть выборные, они сидят в тюрьме, освободите их и говорите с ними».

Политической демонстрацией была их трехмесячная стачка после расстрела, отказ от манухинского договора, голосование против обращения к Манухину. Рабочие молча выслушали обращение, составленное чиновником Майшем с благодарностью царю, молча проголосовали и единогласно отвергли.

Политической демонстрацией против царизма было единодушное решение о выезде с Ленских рудников. «Мы не хотим ранить кровавую землю, где покоятся наши товарищи», говорили рабочие, уезжая. И так же единодушно уезжавшие — партия за партией — отвергли верноподданические резолюции, предлагавшиеся царскими чиновниками. Для них было теперь ясно, что «действительная власть в России принадлежит Трещенковым, и они властвуют над народом штыком и пулей».

Вместе с тем рабочие почувствовали, что их борьба поддержана всем рабочим классом. Могучая морально-политическая помощь его после кровавого расстрела была тем неисчерпаемым

источником, который помог им со всем мужеством, стойкостью и дисциплиной закончить свою борьбу.

Протест большевистской фракции депутатов в Государственной думе и ее горячее приветствие ленским шахтерам облетели все рудники.

Доходившие номера «Звезды» читались на собраниях рабочих, как дорогое слово большевистской правды.

Волна стачек протеста против расстрела 4 апреля показала кровную связь их борьбы с делом всего рабочего класса.

Телеграммы протеста против расправы царизма и солидарности с ленскими шахтерами получались и из других стран.

«Выражаем сожаление о потере товарищей на Лене. Желаем успеха в борьбе с капиталом. Помните, что с вами пролетариат всего мира». Так писали из Гельсингфорса рабочие Финляндии. Об этом же говорили телеграммы рабочих из Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Австралии. Дело ленских шахтеров было делом всего передового в рабочем классе всех стран.

* * *

«В Питере и Москве, в Риге и Киеве, в Саратове и Екатеринославе, в Одессе и Харькове, в Баку и Николаеве — везде, во всех концах России подымают голову рабочие в защиту своих загубленных на Лене товарищей.

«Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил!» Этими пламенными словами ответил товарищ Сталин на известие о расправе над ленскими рабочими[1].

«В эти дни слово принадлежит пролетариату, а не представителям власти»[2] — говорил он в другой статье.

«Ленские дни ворвались... ураганом» в политическую жизнь России. «Рабочий класс накопил... достаточно энергии для того, чтобы ринуться в бой за новую революцию. Достаточно было расстрела в далекой сибирской глуши (Бодайбо), чтобы Россия покрылась забастовками, а питерский пролетариат, выйдя на

---

[1] И. В. Сталин. «Новая полоса» — «Звезда». № 30 от 15(28) апреля 1912 г.

[2] И. В. Сталин. «Тронулась» — «Звезда» № 32 от 19 апреля (2 мая) 1912 г.

улицу, одним взмахом смел с пути хвастливого министра Макарова с его наглым лозунгом «так было, так будет»... «Под'ем нового революционного движения был налицо».[1]

В стачках и демонстрациях протеста против ленского расстрела участвовало 300 тысяч рабочих. Первомайская стачка охватила 400 тысяч рабочих.

«В волнах этого движения и родилась массовая рабочая газета «Правда», — отмечает товарищ Сталин.

«Правда» стояла «в центре... борьбы за партийность, за создание массовой рабочей партии... Она была не просто газетой, подводящей итог успехам большевиков в деле завоевания легальных рабочих организаций, — она была вместе с тем организующим центром, сплачивающим эти организации вокруг подпольных очагов партии и направляющим рабочее движение к определенной цели».[1]

Большевистски настроенные рабочие изгоняли ликвидаторов (меньшевиков) из всех легальных форм организации рабочего класса — страховых организаций, больничных касс и профессиональных об'единений.

«Все шесть депутатских мест рабочей курии» (Государственной думы), — говорит товарищ Сталин, — «были отвоеваны у меньшевиков. В таком же или почти в таком же безнадежном состоянии находилась меньшевистская пресса. Это была поистине героическая борьба большевистски настроенных рабочих за партию, ибо агенты царизма не дремали, преследуя и изничтожая большевиков...»[1]

«Год стачечной борьбы после Лены», — говорил В. И. Ленин, — «показал вопреки жалким воплям либералов и их подголосков против «стачечного азарта», против «синдикалистских» стачек, против соединения экономической стачки с политической и обратно, — этот год показал, какое великое, незаменимое оружие выковал себе социал-демократический пролетариат в революционную эпоху для агитации в массах, для пробуждения их, для привлечения их к борьбе. Революционная массовая

---

[1] И. В. Сталин. «К десятилетию «Правды». «Правда» 1912 г., выпуск I, стр. XII, Партиздат. 1933 г.

стачка не давала неприятелю ни отдыха, ни сроку. Она била врага и по карману, она топтала в грязь перед лицом всего мира политический престиж якобы «сильного» царского правительства. Она давала все новым и новым слоям рабочих возможность вернуть назад хоть частичку завоеваний пятого года и привлекала к борьбе новые слои трудящихся, захватывая наиболее отсталых».[1]

В стачках 1912 года участвовало полтора миллиона рабочих. В январе 1913 г. ЦК партии констатировал:

«Этот год был годом великого исторического перелома в рабочем движении России... Рабочий класс перешел к массовому наступлению на капиталистов и на царскую монархию. Волна экономических и политических стачек поднялась так высоко, что Россия опять стоит в этом отношении **впереди всех,** даже наиболее развитых, стран мира».[2]

Революционный под'ем шел неуклонно по восходящей линии до баррикад в Петербурге в июле 1914 года. Только мировая империалистическая война прервала нарастание новой революции, чтоб в 1917 году привести пролетариат к уничтожению самодержавия.

Всеобщей стачкой 250 тысяч рабочих пролетариат начал беззаветно смелое наступление на самодержавие. 25 февраля петроградские рабочие по призыву Петроградского комитета перешли к восстанию против царизма. Вооруженные рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, смели кровавую монархию в помойную яму истории.

Победой Октябрьской социалистической революции пролетариат начал «коренной поворот во всемирной истории человечества от старого, капиталистического, мира к новому, социалистическому, миру» (Сталин).[3]

Впервые в истории из рабов, угнетенных, эксплоатируемых трудящиеся превратились в полных хозяев своей судьбы.

Свергнув власть эксплоататоров и установив диктатуру про-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XVI, стр. 485—486.
[2] ВКП(б) в резолюциях, т. 1, стр. 197—198.
[3] Сб. «Об Октябрьской революции» стр. 129. Партиздат, 1932 г.

летариата, рабочий класс в союзе с крестьянством начал новую свободную жизнь.

За 20 лет острейшей классовой борьбы с капиталистическим миром, с внутренними и внешними врагами построено величественное здание социализма.

В стране Советов навсегда покончено с эксплоатацией и угнетением человека человеком. Несокрушимой силой стало моральное и политическое единство великого советского народа, сплоченного вокруг партии Ленина—Сталина.

Как пламенное боевое знамя, реет над миром Сталинская Конституция победившего социализма. Страна Советов стоит непоколебимым гордым утесом среди бушующих волн капиталистического мира.

Границы социалистического государства трудящихся охраняет могучая Рабоче-Крестьянская Армия — грозное предостережение фашистским поджигателям войны.

В мутные дни провокаций фашизма и бешеной подготовки войны советский народ одержал новую блестящую победу над капиталистическим миром, его штабами и разведками. Советская разведка нанесла меткий и беспощадный удар планам фашизма и поддерживающих его капиталистических держав.

Раскрыта и уничтожена подлая банда троцкистско-бухаринских шпионов и убийц.

Товарищ Сталин на февральско-мартовском 1937 года пленуме Центрального Комитета партии говорил:

«Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родины».

Перед судом советского народа предстали заклятые враги трудящихся — потерявший всякий человеческий облик пес капитализма Иуда Троцкий, подлый иезуит и провокатор Бухарин, злобный организатор преступлений Рыков, со всей их бандой многолетних врагов народа троцкистов, бухаринцев, зиновьевцев,

меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов. Подлейшие из подлых хамелеонов, они поднимали руку на все завоевания советского народа, на все завоевания человечества.

Перед всем миром обнажено омерзительное, звериное лицо фашизма и чудовищные злодеяния его наемников, пытавшихся восстановить капиталистическую эксплоатацию, продать советский счастливый народ фашизму, впустить фашистские полчища на советскую землю, чтобы залить ее кровью трудящихся.

Священная ненависть, великий гнев и презрение к провокаторам, предателям, шпионам фашизма нашли свой ответ в единодушном требовании народных масс уничтожить подлую гадину, стереть ее с лица земли. Это было требование всего честного человечества.

Трудящиеся всех стран увидели, что «троцкизм — это лишь одно из имен самого разбойничьего фашизма, маска для шпионажа, ширма для провокаций» («Правда»), опаснейший и подлейший из подлых враг трудящихся в эпоху всеобщего кризиса капитализма.

Советский народ, ни на минуту не забывая о капиталистическом окружении, готов грудью защищать свои великие завоевания, свободу и независимость социалистической родины.

Склоняя знамена в память погибших на Лене рабочих от рук палачей царского самодержавия, трудящиеся нашей страны повторят слова товарища Сталина:

«Отважная борьба павших в далекой тайге от царских пуль товарищей не забыта победившим пролетариатом. Оглядываясь на пройденный путь, рабочие Союза могут сказать:

Ни одна капля рабочей крови бодайбинцев не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат уже добился своей победы над ними. Ныне, свободные от царского и капиталистического гнета, на берегах Витима, вы имеете возможность добывать золото не для обогащения тунеядцев, а для укрепления мощи первого в мире *своего* рабочего государства! Честь и слава павшим в борьбе за победу рабочего класса!» [1].

---

[1] И. В. Сталин. Приветствие ленским рабочим. Сборник «События на Лене в документах», стр. 88. Партиздат. 1932 г.

***

«Приветствуя вас, дорогие товарищи, в этот день воспоминаний о героической борьбе павших товарищей, позвольте выразить уверенность в том, что вы твердо и неуклонно будете продолжать дело дальнейшей борьбы за полное торжество победы социализма в нашей стране».[1]

Так товарищ Сталин закончил свое приветствие ленским рабочим в 15-летнюю годовщину Ленского расстрела. Сегодня мы вспоминаем героическую борьбу ленских рабочих в обстановке полного торжества победы социализма в нашей стране.

Тюрьма народов, средоточие всяческого гнета — и капиталистического, и колониального, и военного — превращена в счастливую страну свободных народов СССР, в могущественную социалистическую державу, оплот всего трудящегося человечества.

Тяжелым, беспросветным принудительным бременем был труд в царской России. У нас труд превращен в дело чести, дело славы, дело доблести и геройства. «Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир, вот кто настоящие герои и творцы новой жизни».[2]

В СССР нет эксплоататорских классов, нет безработицы. В СССР осуществлены великие завоевания трудящихся — обеспечены всем гражданам труд, отдых, образование.

В СССР — единственная в мире — подлинная социалистическая демократия, демократия трудящихся.

Упорной борьбой на фронте социалистического строительства рабочий класс СССР выполняет свой интернациональный долг перед пролетариями всех стран в их борьбе с капиталом. Завоевания, записанные в Сталинской Конституции, имеют всемирно-историческое значение для классовой борьбы пролета-

[1] И. В. Сталин. Приветствие ленским рабочим. Сборник «События на Лене в документах», стр. 88.

[2] И. В. Сталин. «Доклад о проекте Конституции Союза ССР», стр. 26. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937 г.

риата всех стран, они свидетельствуют о том, что «то, что осуществлено в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах» (Сталин).

То, что пережил и испытал рабочий класс царской России, переживает и испытывает сейчас пролетариат капиталистических стран. «Ленские расстрелы» применяет буржуазия во всех странах, расстреливая рабочих стачечников и демонстрантов.

Сейчас страны капиталистического мира вступают в новый экономический кризис, он несет с собою новые миллионы безработных, новые массы разоряющихся крестьян, еще большее наступление капитала, еще большее усиление фашизации капиталистических стран.

В целом ряде капиталистических стран установлена фашистская диктатура. В глубочайшую нищету вверг народы фашизм, направляя свой главный удар против рабочего класса. Фашисты превратили труд в рабский, принудительный труд; для фашистов рабочие только «команда», как были «командой» для «Лензото» ленские шахтеры. Но система слежки и провокации, созданная «Лензото» для ленских рабочих, бледнеет перед чудовищной организацией шпионажа, террора и кровавой расправы над рабочим классом в фашистских странах.

Фашизм закабаляет рабочих, снижая до нищенского уровня заработную плату, удлиняет рабочий день, устанавливает каторжный режим на предприятиях. Миллионы безработных, лишенные социальной помощи, наполняют капиталистические города.

Фашизм устанавливает крепостничество для крестьян, разоряет мелкую городскую буржуазию, топчет в грязь все завоевания человеческой культуры. В большинстве капиталистических стран буржуазия организует наступление фашизма против народных масс, усиливает капиталистическую эксплоатацию, усиливает аппарат угнетения масс. Реакционная буржуазия Англии — старой страны свобод — сейчас растаптывает эти свободы, завоеванные многими поколениями, и открывает ворота фашизму.

Фашистские поджигатели войны ввергли уже четвертую

часть человечества в войну, они готовят плацдармы для мировой войны и прежде всего против СССР, указывающего международному пролетариату и всему трудящемуся человечеству путь борьбы против войны и фашизма, спасение от фашистского рабства.

Единство рабочего и народного фронта — сегодня такое же важнейшее и основное условие победы рабочего класса, как было оно в России в предреволюционную эпоху 1911—1913 гг.

«Единство действительно необходимо рабочим. И всего необходимее понять, что кроме самих рабочих **никто** им не «даст» единства, никто **не в состоянии** помочь их единству»,[1] — говорил В. И. Ленин.

«Единство надо **завоевать,** и только сами рабочие, сами сознательные рабочие в состоянии добиться этого — упорным настойчивым трудом».[1]

Усилия буржуазии и ее агентуры в рабочем движении всегда были направлены на раскол рабочего движения. Сейчас фашистской буржуазии для осуществления ее планов фашизации капиталистических стран, подготовки и проведения новой империалистической войны, подготовки нападения на СССР необходимо разгромить рабочее движение, уничтожить демократию и установить фашистскую диктатуру в буржуазно-демократических государствах.

В борьбе с наступлением фашизма, основная задача рабочего класса — единство рабочего класса, укрепление народного фронта, об'единение всех антифашистских сил в борьбе против фашизма и войны.

Один из показателей успехов рабочего класса в борьбе за единство рабочего класса и народный фронт — рост стачечного движения за последний год.

Великое мужество рабочего класса и народных масс Испании и Китая служит вдохновляющим примером народам капиталистических стран.

Стачки этого года — ответ рабочего класса на растущую

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XVII, стр. 408.

эксплоатацию, безработицу, военно-полицейский гнет и наступление фашизма.

В них отражается рост сопротивления рабочего класса и его авангардная роль в организации трудящихся масс капиталистических стран.

В них сказывается обострение внутриполитических противоречий в странах капитализма и рост недовольства народных масс.

Волна стачек охватила в 1937 году все крупные капиталистические страны, она распространилась на колонии, она поднимает рабочий класс фашистских стран.

1937 год — год назревания нового экономического кризиса, грозящего бедствиями миллионам народных масс.

Он захватил уже Северо-Американские Соединенные Штаты. Рабочий класс входит в этот кризис более закаленным и политически выросшим, чем в кризис 1929 года.

Многие десятилетия пролетариат Соединенных Штатов находился в плену у буржуазных партий. Политическое пробуждение рабочих масс находит свое выражение в стачках солидарности, в политическом характере стачек, в совместных выступлениях рабочих и фермеров, рабочих и городской мелкой буржуазии, в создании организаций единого рабочего и народного фронта. В стачках 1937 года в США участвовало свыше 1,7 миллиона рабочих (в 1936 году участников стачек было всего 720 тысяч).

Пролетариат Франции, вслед за героическим рабочим классом и народами Испании и Китая, показывает пути борьбы рабочего класса с фашизмом. Пролетариат Франции завоевал правительство народного фронта и создал железный барьер для фашизма во Франции, несмотря на наличие значительных фашистских организаций. Своей массовой борьбой пролетариат завоевал закон о коллективных договорах, об оплаченных отпусках, о 40-часовой рабочей неделе, улучшение условий труда и быта для миллионных масс служащих и мелких крестьян.

На пути развития стачечной борьбы и создания мощного единого фронта в Англии самым большим препятствием служит сопротивление руководителей рабочей партии и профсоюзов.

Предательство лидеров тред-юнионов привело к тому, что в Англии в настоящее время наиболее длинный рабочий день и систематическое падение заработной платы. Не менее 5 миллионов людей страны влачит полуголодное существование, четверть детей Англии обречена на недоедание.

Пролетариат Англии, преодолевая сопротивление верхушки тред-юнионов, развертывает борьбу за свои жизненные интересы. В 1937 году число стачечников превысило вдвое число бастовавших в 1936 году.

Глубокое возмущение британской политикой открытого сговора с фашистскими агрессорами растет среди трудящихся масс Англии. Пролетариат стоит в их первых рядах.

Резко поднял знамя борьбы против политики фашизма рабочий класс Польши. Стачки польских рабочих носят политический характер. В политических демонстрациях рабочего класса, сопровождавших стачки 1937 года, участвовало до полутора миллионов рабочих.

Остроту и ожесточенность классовой борьбы в Польше характеризует недавно закончившаяся шестинедельная забастовка рабочих химического завода в Опочно.

«В течение всего этого времени рабочие вместе с женами и детьми занимали заводские помещения. Стачка проходила в крайне тяжелых условиях. Стояли сильные морозы. Несколько рабочих заболело, один умер. Однако ни один из бастующих не покинул помещение завода. Забастовка кончилась победой рабочих».

Рабочий класс Польши возглавляет борьбу народных масс, поднимающихся против режима бесправия, произвола, насилия. Растущее стачечное движение, массовые волнения безработных, крестьянские стачки и волнения отражают гнев и ненависть народных масс Польши против войны и фашизма.

Японская военщина, открыв грабительскую войну против китайского народа, жестоко подавляет рабочий класс и народные массы своей страны.

Рабочий класс Японии выступает передовым борцом народных масс против рабских условий труда, против политики нищеты, голода, кровавого террора и войны.

Несмотря на жесточайшие преследования, в 1937 году бастовало свыше 200 тысяч рабочих Японии, в 1936 году бастовало только 75 тысяч рабочих.

Массовые аресты по всей стране не помогают в борьбе со стачечным движением, как не помогают они в борьбе с «опасными мыслями» — антивоенными настроениями в массах населения и отказами солдат итти в бой против китайского народа.

Доведенные до отчаянного состояния, поднимаются угнетенные народные массы Индии. Только за один квартал 1937 года число бастовавших рабочих Индии превышало их число за весь 1936 год.

Рабочий класс своим стачечным движением показывает решимость рабочих масс бороться против наступления фашизма. Возглавляя народный фронт борьбы против войны и фашизма, рабочий класс вместе с СССР считает своим родным делом, делом всего человечества героическое сопротивление испанского и китайского народов.

Великое дело мира творит СССР — несокрушимый оплот народных масс, ненавидящих фашизм и жаждущих мира. На передовых фронтах вооруженной борьбы с японо-фашистскими полчищами героически борются народы Испании и Китая, самоотверженно защищая не только свою независимость, но и демократические завоевания всех народов.

Мир идет к новым схваткам, к новым величайшим потрясениям. Надвигающийся экономический кризис — составная часть общего кризиса капитализма.

Не только капиталистические правительства решают судьбы мира. Народы поднимаются против фашизма и войны. Им будет принадлежать последнее, решающее слово.

В этот момент будем крепко помнить слова мудрого учителя и друга всех трудящихся товарища Сталина.

«Нужно усилить и укрепить интернациональные пролетарские связи рабочего класса СССР с рабочим классом буржуазных стран; нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военного нападения на нашу страну равно, как органи-

зовать всяческую помощь рабочего класса нашей страны рабочему классу буржуазных стран...»[1].

Дело страны социализма — дело трудящихся всего мира, дело отечества всего трудящегося человечества.

Под знаменем великой партии Ленина—Сталина боролся и победил рабочий класс нашей страны, под знаменем партии он призывает пролетариат и трудящиеся массы всех стран к решительной борьбе против фашизма, к борьбе за освобождение человечества от всякого угнетения и рабства.

Е. Бердникова.

---

[1] Письмо товарища Сталина И. Ф. Иванову.

В. Н. СОКОЛОВ

ЛЕНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

1. ЛЕНА-ГОЛЬДФИЛЬДС (ЛЕНЗОТО)

Что такое Ленская трагедия?

Три больших активных исторических фактора лежали в основе ее:

финансовый капитал —

российское самодержавие —

российский пролетариат.

Финансовый капитал — это капитал банковский, акционерный, империалистический. Это союз крупнейших банков, помноженный на крупнейшие тресты промышленности. Это сверхмонополия, приносящая капиталу сверхприбыль, это господство горстки магнатов в экономической и политической жизни капиталистического общества эпохи империализма.

Царское самодержавие — это опора помещиков и капиталистов в их безудержной эксплоатации трудящихся масс. Это резерв западного империализма, дающий свободный доступ заграничному капиталу для выжимания сверхприбылей в России. Это — сторожевой пес и агентура западного империализма на Востоке.

Российский пролетариат — это «революционнейший в мире пролетариат, имевший в своем распоряжении такого серьезного союзника, как революционное крестьянство России», это рабочий класс, перед которым история поставила задачу «разрушения самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции».[1]

Что такое «Ленское золотопромышленное товарищество» — в дореволюционном сокращении Лензото?

Это — лондонское акционерное о-во «Лена-Гольдфильдс»,

[1] И. Сталин. «Вопросы ленинизма» стр. 5—7 изд. 10-е.

финансирующее Ленские прииски. Это—английский финансовый капитал в его наиболее разветвленных, наиболее совершенных формах, наиболее приспособленных к использованию отсталых колониальных и полуколониальных стран для выжимания сверх-прибылей.

Это — финансовый капитал, втянувший в свои эксплоататорские операции широкие мелкобуржуазные общественные слои. Акции-шеры ценою в один фунт стерлингов (10 рублей) широко обращались на лондонской, парижской и петербургской биржах. «Самые мельчайшие капиталистики» и хозяйчики и верхушка рабочих — рабочая аристократия — сначала Англии, а затем Франции и России — вовлекались в эти операции. Вольно или невольно они становились пособниками порабощения и участниками зверской эксплоатации рабочих далекой сибирской окраины — колонии российского самодержавия, становились участниками всех вытекающих отсюда последствий — вплоть до расстрела сотен и тысяч людей...

Это — финансовый капитал, через учредительскую прибыль покупающий власть отсталой страны. Членами Петербургского правления «Лена-Гольдфильдс» состояли: бывший министр В. И. Тимирязев, бывший министр А. И. Вышнеградский, крупнейший заводчик-банкир А. И. Путилов. Среди акционеров — бывший премьер граф Витте, министр Тимашев, бывшая царица Марья Федоровна. И длинный хвост придворных холуев и прихлебателей.

И когда жандармский ротмистр Трещенков командует расстрелом сотен безоружных ленских рабочих, он всех нерешительных и сомневающихся успокаивает:

— Ничего за это не будет! Разве вы не знаете, что вдовствующая императрица — пайщица Ленской компании?..

Это — финансовый капитал, пайщиками которого являлись и все служащие приисков — от крупных осетров-управляющих до мелких конторщиков. Они заинтересованы в том, чтобы акции-шеры росли в цене. Они их покупали и перепродавали — втягивались в биржевую игру. Шеры с 10 рублей поднимаются до 40 и даже 60 рублей. И служащие успешно спекулируют на своем собственном заработке. Они, как и непосредственные хо-

зяева приисков, выжимают из рабочих последние соки, тянут последние жилы: за годовую операцию 1909-10 года дивиденд на акции «Лепа-Гольдфильдс» — 56 проц. Это и есть сверх-прибыль, без которой шеры не будут подниматься в цене.

Даже обыватели Бодайбо, таежного приискового городишка, спекулировали на шерах. Мировой судья Хитун, горный надзор, почтмейстеры, пристава и урядники — все до последнего стражника и замызганного рассыльного, — все на откупу у Лензото — одного из шакальих отрядов финансового капитала.

И недаром в свое время иркутский губернатор Бантыш докладывал высшей власти:

«Лензото поит, кормит, учит, лечит, казнит и милует тысячи людей. Почти исключительно Лензото дает деньги и на содержание правительственных чиновников... Стоит только тому или другому правительственному чиновнику перестать поддерживать отношения с Лензото, и его возьмут измором: отоплением, электричеством и т. п.».

Неглупый администратор прекрасно понимал суть взаимоотношений хозяев с чиновниками и рабочими на Ленских приисках. Ниже мы увидим, что это понимание отнюдь не мешало царскому чиновнику настойчиво проводить именно хозяйскую линию — линию финансового капитала в колонии.

И возьмите какой угодно иной отряд финансового капитала, в какой угодно иной отсталой стране;

Китае,

Монголии,

Индии,

Египте,

Марокко

и прочая, и прочая...

везде политика, приемы и методы одинаковы — политика и приемы беспощадных завоевателей:

военный захват и подкуп власти; политика насилия, террора, реакции; гнет и подавление национальностей; вооруженное подавление всякого протеста; исключительная монополия в промышленности, торговле, финансах.

Каждая из этих акций и все они вместе приносят прекрасный дивиденд.

Великолепная и совершенная организация финансового капитала! Радуйтесь, Гильфердинги! В ней все предусмотрено, все предусмотрительно куплено: верховная государственная власть со всем ее законодательным аппаратом, исполнительная власть в центре и на местах — министры, губернаторы, исправники, воинское начальство, горные инженеры и судьи, служащие и обыватели... Вся деспотическая государственная система — со всеми архаическими ее навыками векового рабства и кровавой жестокости...

Вокруг тысяч приисковых рабочих раскинута была гигантская паутина, в которой невозможно дышать, невозможно оставаться человеком... В ней можно отчаянно биться, как бьется муха в тенетах паука, или мышь в мышеловке. Но вырваться из нее живым, неистерзанным нет возможности. Ленское 4-е апреля свидетельствует: из каждых шести рабочих один должен погибнуть под пулями царских солдат — для того, чтобы остальные пять могли вырваться на голод и безработицу.

Финансовая паутина переплетается с паутиной голода и бесправия рабочих, заброшенных за край тундры, отрезанных от живого мира и от рабочих центров, предоставленных в полное распоряжение шайки разбойников — прихлебателей финансового капитала.

Зачем финансовому капиталу беспокоиться о техническом прогрессе предприятия? Это лишний накладной расход — спекуляция боится его как огня. И на Ленских приисках, руководимых прекрасно организованной (по последнему слову биржевой техники) акционерной компанией, золотое предприятие было технически первобытно. Шахты обваливались и затоплялись. Вместо лестниц — стремянки, по которым люди ползали в темноте, срывались, падали. Ранили себя и других своими инструментами. Выката были сломаны и пробиты. Штольни и канавы не закрывались. Раздевальни, вентиляция отсутствовали. Рабочие задыхались, сваливались, угорали от динамитных взрывов. Специальной одежды для работы в воде не было. Прямо из мокрой шахты люди шли на сорокаградусный мороз; рабочая одежда пре-

вращалась в ледяной короб. Его приходилось оттаивать над той же плитой, где готовился обед.

Если таково предприятие, то что же говорить о жилье для рабочих? Ведь оно оборудовалось в последнюю очередь. И оно всегда было в десятки раз хуже.

Общие квартиры для холостых и семейных уплотнялись втрое против нормы. Стены промерзали, из-под полов дул ветер, с потолка сыпалась земля. Зимой — одинарные рамы (около полярного круга!) с поломанными стеклами. Вместо форток — в стене дыры на улицу, заткнутые тряпками. Темно, сыро, холодно, грязно...

«Из 103 казарм, обслуживающих состав рабочих, занятых на приисках второй дистанции, в удовлетворительном состоянии находится лишь 15, остальные 88 совершенно непригодны для жилья». «Существующие казармы в большинстве в таком состоянии, что угрожают не только здоровью, но и жизни рабочих», — вынуждена признать комиссия сенатора Манухина.

Договор найма заключался на год — с 10 сентября по 10 сентября. Он кончался через 10—15 дней после того, как прекращалось на 3 месяца всякое сообщение приисков с внешним миром: осенние дороги становились непроезжими и непроходимыми — выбраться с приисков, при нежелании там дальше работать, было невозможно. Жить на приисках до установления зимнего пути, не работая, не позволяли...

Да и нечем было жить: заработок контора так предусмотрительно рассчитывала, что рабочий проедал его, еще не успев получить на руки. Что оставалось делать, как не заключать новый, такой же безвыходный договор — с 10 сентября по 10 сентября?..

Подневольное рабочее колесо вертелось, не останавливаясь. Сказка про белого бычка наматывалась изо дня в день без конца...

Рабочий день 11—11½ часов. Это так называемый «законный», по договору. Но когда законы пишут царские чиновники, и когда судьи имеют шеры и содержатся за счет Лензото, — что такое закон?.. В лучшем случае — дышло, которое никогда

не повернется в рабочую сторону, на защиту рабочих интересов.

И рабочий день бесконтрольно регулировался приисковой администрацией, рабочий должен быть на работе с 5 утра до 7 вечера.

Заработок?.. Его никогда и никто в полном виде и в денежном выражении не только не имел на руках, а даже не видел. Раз в месяц выдавали «в счет заработка» несколько рублей. А затем — товары из приисковых магазинов Лензото, по вольным ценам. Или квитки, т. е. доморощенные банкноты Лензото на любую сумму. Это уже рабочие акции-шеры, имевшие хождение лишь в пределах приисков. И расценивались они при учете лишь в половину цены.

Рабочих кормили мясом, нередко червивым и тухлым... Им продавали и такие нес'едобные отбросы, которые обычно идут на собачий стол — вроде бычьих и конских членов.

Семьи рабочих — подростки и женщины — обязаны были по договору выполнять, по нарядам администрации, все посильные им работы. Но что такое договор?.. Во всяком случае не шеры, поднимавшиеся в цене. Договор Лензото — это хомут, ярмо, кандалы для рабочих. Но одновременно для администрации — пустой клочок бумаги.

И посильные женские работы легко превращались в непосильные и неприемлемые... вплоть до гаремных. Жены, сестры и дочери рабочих оказывались дичью в силках, на которую администрация охотилась так же, как раньше охотился развратный помещик на своих крепостных крестьянок.

И когда администрация раз в год устраивала для себя праздник, «маевку»-пикник, рабочие женщины и девушки должны были там прислуживать. А вечером, после надлежащих возлияний «господ», женщинам запрещалось возвращаться домой дорогами, они могли итти только лесом, где расшалившиеся господа и устраивали на них засады...

Что более отвратительное и издевательски-унизительное можно было еще придумать?

2. ПЕРВЫЕ СХВАТКИ

«Работает» манухинская комиссия. Суетятся около нее и путаются в ногах рабочих добровольцы-адвокаты. Прикрыто наше «Иркутское слово»[1]), и руководят сибирским «общественным» мнением кадетская «Сибирская жизнь» и кадетствующая «Сибирь». Развязываются и треплются обывательские языки.

И прорываются сквозь цензуру кой-какие подробности, ранее неизвестные и восстанавливающие действительную обстановку.

Оказывается, от начала забастовки до кошмарного ее расстрела прошло более месяца. Сибирь узнала о ней только из телеграммы о расстреле. Продержаться организованно такой срок в тайге и тундре, вне живого мира, без всякой с ним связи и помощи, даже без широкого простого сочувствия, — это образец и для более передовых отрядов рабочего класса.

Забастовка возникла стихийно, почти без всякого предварительного сговора. В рабочей массе накопилось столько горечи, обиды, недовольства, что достаточно было любого повода, чтобы вспыхнуло возмущение.

В последний день февраля (29)[2] на приисках Андреевском, Васильевском и Утесистом возникли продовольственные недоразумения рабочих с администрацией. Кому-то отпустили в мясной лавке непотребные бычьи органы. И при этом бросили злую шутку:

— На Касьяновы именины!..

Захваченные возмущением и отчаянием рабочие бросили работу, не обсуждая и не пред'являя в первый момент никаких требований.

На другой и на третий день — 1 и 2 марта весть о стачке покатилась по приискам.

3 марта уже примкнули к забастовке все основные прииски — Надеждинский, Александровский, Феодосиевский, Ива-

[1] «Иркутское слово» — газета социал-демократов политических ссыльных.

[2] Даты везде указаны по старому стилю.

повский, Успенский, Пророко-Ильинский. В тот же день выбрано стачечное бюро и выработаны требования. Так понятна была всем необходимость об'единенного выступления. И так толкала к нему общая внутренняя подготовленность.

Всякому известно, как нелегко бывало проводить длительную забастовку даже на большой фабрике или заводе, где рабочие сконцентрированы производством на небольшой территории и где самые условия производства способствуют об'единению рабочих, их организации, росту их революционного сознания. Неизмеримо труднее, когда рабочие разбросаны группами на десятки верст, когда каждая группа окружена сетью врагов. Здесь может об'единить только собственное внутреннее сознание, одинаковое у всех глубоко переживаемое недовольство.

Общим собранием рабочих 3 марта постановлено:

Прекратить работы до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех рабочих.

Время забастовки должно писаться как рабочее время, т. е. поденно.

Время забастовки не должно ставиться в вину забастовавшим, так как забастовка вызвана насущнейшей необходимостью разрешения неудовлетворенных вопросов, которые ставятся во главу угла требований рабочих:

1. Восьмичасовой рабочий день. Праздничные работы необязательны и по повышенной расценке.

2. Рабочие используются по профессиям, на которые наняты.

3. Существующая такса должна быть увеличена пропорционально плате: до 2 рублей — на 30 проц., до 2 р. 50 к. — на 20 проц. и свыше — на 10 проц.

4. Ежедневно и ежемесячно должны вывешиваться табели заработка. Расчетные книжки должны быть выданы на руки.

5. Уплата должна производиться ежемесячно и полностью.

6. Отмена штрафов.

7. Увольнение рабочих не по капризу администрации, а с ведома рабочей комиссии.

8. Во все время забастовки продовольствие должно выдаваться по обыкновению. И на равных условиях со служащими, а не отбросы после них.

9. Отмена принудительности женского труда.

10. Вежливое обращение с рабочими.

11. Медицинская помощь.

12. Расширение квартир: холостым — одна комната на двоих, семейным — одна комната. Отдельные помещения для прачечной и сушилки.

13. Устранение следующих административных лиц... (со всех приисков до 25 чел. администрации и надсмотрщиков).

Рабочие знали, с кем они имеют дело и потому особым требованием поставили:

За время забастовки никто не должен пострадать.

И особо выделили вопрос

о гарантиях выборных:

а) Чтобы делегатам от всех забастовавших приисков было предоставлено право на время переговоров пользоваться бесплатным проездом по железной дороге от ст. Феодосиевской до Бодайбо, а равно и на лошадях.

б) Чтобы управление «Лензото» снеслось с местной полицией о гарантии свободы делегатов.

в) Чтобы на время забастовки выборным был предоставлен народный дом.

г) Чтобы административная власть не назначала на работы отдельных лиц, предварительно не испросив разрешения делегатов.

«Мы хотим, чтобы забастовка носила миролюбивый характер, а потому заявляем: если будут применены карательные меры к нашим уполномоченным, тогда мы снимаем всех рабочих с работы».

Рабочие знали шакалью породу Лензото и предусмотрительно оставили рабочих на водоотливных работах и ряде других.

На делегатском собрании приисков было выбрано стачечное бюро: Баташев, Черепахин, Петухов, Вязовой, Зеленко, Попов, Беляков, Бондарь, Корнеев, Быков, Лесных, Украинцев, Подзаходников, Годов. Каждый из них прикреплен к своей группе приисков для непосредственного руководства.

Руководителями забастовки и стачечного бюро были выд-

винуты и проводили стачку до конца: П. Н. Баташев — слесарь, приехавший на Лену из центральной России, рабочий-массовик, политически развитый, социал-демократ; Г. В. Черепахин — слесарь из Ростова-на-Дону, ссыльный по делу о вооруженном восстании 1905 года, большевик, на приисках работал плотником; последним был Андрей Петухов — ссыльный, петербургский рабочий, сосланный за первомайскую демонстрацию.

В этой последовательности они сменяли друг друга в качестве председателей бюро при аресте предыдущего. Петухов был арестован, когда уже закончилась эвакуация всех рабочих.

В каждом из рабочих бараков выбраны староста и два помощника: предусматривалась возможность неожиданной провокации внутри бараков. Была выработана особая инструкция старостам по наблюдению за посторонними посетителями бараков: «оказывать ему полное гостеприимство... напоить чаем, накормить, спросить, с какого прииска и барака... проверить по телефону»... И только тогда устанавливать характер отношений к нему и принимать те или иные меры.

— Стачечный комитет могут уничтожить, арестовать, — доказывал Черепахин, — а старост всех не арестуют... Арестуют старшего — останутся помощники... Создается опора в массах, массовая привычка к информации и руководству старосты — на место выбывшего непременно будут выбирать другого...

Водку во время забастовки перестали пить. И потребовали закрытия винных лавок.

— Мы перестали доверять ленским сторожам у сена, машин, амбаров и кладовых, — рассказывал потом Баташев, — и, во избежание провокации с ленской стороны, для контроля ставили своих людей.

Все принятые меры характерны предусмотрительным созданием средств обороны. Никаких наступательных действий на распорядки и собственность «Лензото». Удивительная предусмотрительность в с а м о о х р а н е, исключительная настойчивость в самоограничении, в сознательной и твердой дисциплине.

Практический показ другой борющейся стороне действительного классового б л а г о р о д с т в а, всем другим общественным классам совершенно несвойственного.

А она, эта другая сторона — правление Лензото — уже через два дня после начала забастовки (5 м а р т а) телеграфирует из Питера иркутскому губернатору настойчивое требование:

> «О скорейшей посылке из Киренска на подводах, хотя бы за наш счет, достаточного числа солдат для предотвращения беспорядков. И о немедленном удалении из приискового района политически неблагонадежного элемента».

И только уже после того, на другой день (6 м а р т а), выигрывая время, правление вступает в переговоры с забастовщиками. Им даются кой-какие пустяковые обещания — с оговорками, тут же эти обещания уничтожающими. С призывами к «исполнению требований закона», со ссылками на «обязательные постановления горного надзора»...

> «Остальные требования отклоняем, — категорически заключает телеграмма Лензото управляющему приисками Теппану. — Если команда не станет на работу во вторник, производите полный расчет, прекратите водоотливы».

Это характерно. Рабочий коллектив именуется здесь «командой»... Это сибирский каторжный термин: командой назывался и коллектив арестантов.

И «производите расчет»... Они знали, эти господа, что из тайги в это время года рабочие уже не смогут выбраться: начинается распутица и всякие пути отсюда отрезаны. И они уже заранее знали, что пайщик Лензото, его верный слуга, министр Тимашев, завтра же (7 м а р т а) отправит от себя телеграмму командующему войсками Иркутского военного округа:

> «...в предупреждение возникновения беспорядков, могущих привести в расстройство крупнейшее зо-

лотопромышленное предприятие, и для защиты желающих стать на работу, покорнейше прошу ваше превосходительство... озаботиться усилением воинской команды в районе приисков товарищества.

Министр торговли Тимашев».

Таким образом все внешние рычаги самого высокого давления на рабочих приведены в движение. Финансовый капитал— организация чрезвычайно дисциплинированная и централизованная. И действует не столько сам непосредственно, сколько через свою весьма разветвленную агентуру. В данном случае эта агентура захватывает самодержавную государственную машину. Это — машина подавления. Один нажим на центральную кнопку — и вся машина приходит в движение.

8 марта главноуправляющий приисками Теппан об'являет всем невышедшим на работу расчет, с предупреждением: если не получат до завтра в конторе, пусть получают от горных исправников — деньги будут переданы туда.

Одновременно горный инженер Александров грозит забастовавшим ответственностью по 367 ст. Угол. улож., а зачинщикам — по 3 п. 125 ст. (тюрьма и крепость).

И одновременно, в тот же самый день, тот же инженер Александров, совместно с горным исправником, шлют иркутскому губернатору телеграмму:

> «Находим необходимым немедленную присылку на прииски из Киренска роты, в крайнем случае не менее 100. Расходы по перевозке и содержанию солдат Лензото принимает на свой счет. Лензото просит выдворить с приисков отказывающихся работать, чего при наличных силах выполнить невозможно».

Забастовка только началась, рабочие не успели еще порядком столковаться, а оказались уже обложенными, как в берлоге матерый медведь. Розданы значки-номера, расставлены цепи охотников. Остается последняя задача: поднять и выгнать...

Собрание выборных 9 марта — в ответ на провокационные об'явления о расчете — выносит постановление:

забастовку продолжать.

Тогда пускают в ход другие средства.

По приискам 10 марта распускается темный слух: выборные подкуплены администрацией.

На Пророко-Ильинском прииске (11 марта) инжснер Лензото, переодевшись горнорабочим, пробирается в отсутствие старосты в рабочий барак:

— Ребята, вставай на работу!.. Андреевцы и васильевцы уже работают!.. Выборные взяли взятку и скрылись. Обсудите, да и айда!.. А я побегу в другой барак...

И был таков.

В бараках смятение, подозрения: а ну, как правда?..

Мечется стачечное бюро по приискам и баракам. Раз'ясняет, успокаивает, ищет провокаторов. В бараке, не успевшем задержать провокатора-инженера, сменяются староста и помощники. Им выносится общественное порицание.

И все-таки остается мутный осадок.

То в том, то в другом месте в сторону уполномоченных слышится из толпы:

— А почему переговоров никаких не ведете?..

— Завтра, слышь, продуктов отпускать не будут!..

— Получили взятку и молчат теперь!..

Выборные отчитываются, успокаивают, убеждают.

— Если вы верите, что ваши выборные получили взятку, давайте других выберем!.. Про них вам тоже говорить будут — это расчет на вашу доверчивость: пытаются вас поссорить, сломить, — тогда голыми руками возьмут всех!..

С этим справились. Всенародно выяснили провокацию — хозяйский замысел. Восстановили доверие и дисциплину.

Пошли в ход иные хозяйские средства.

Мировой судья Хитун 15 марта, на самом «законном» основании, приговорил 32 рабочих к выселению из бараков.

Это первая проба. Первая пачка, которую хотят выбросить в тайгу, на холод и голод. Если это удастся, выброски пойдут сериями ежедневно, пока не будет сломлено сопротивление: у Хитуна в канцелярии уже сотни квартирных исков администрации к рабочим — о выселении.

И рабочие чувствуют это. Знают, что именно эту первую схватку они должны, обязаны выиграть. Проигрыш в этом малом будет общим проигрышем по всему фронту.

И 18 марта, когда исправник с отрядом солдат является для приведения приговора судьи в исполнение, рабочие уже готовы.

Выселяемых не оказывается дома — некому вручать или об'являть приговор. Некого выволакивать за шиворот из жилья.

В то же время весь прииск сбегается к бараку. Тесным сплошным кольцом окружают исправника и солдат. Лишают их физической возможности двигаться, развернуться для враждебных действий. Ведут мирные разговоры с солдатами. Доказывают исправнику незаконность его действий.

И когда раздается команда: «Ружья на руку!» — она против воли звучит не по-боевому. И выполняется неохотно и неотчетливо. Солдаты бледнеют, руки у них дрожат...

А вокруг со всех сторон сбегаются все новые и новые люди. Увеличивают, уплотняют живое мирное окружение.

Исправник теряется и в отчаянии кричит:

— Я не буду выселять!.. Разойдитесь...

— Так-то лучше, — добродушно говорят из толпы.

Недоволен исправником оказался лишь офицер Санжеренко, командовавший солдатами:

— Что, этим все и кончилось? — иронически говорит он потом исправнику. И тут же добавляет:

— А жаль — не пришлось даже рук погреть!

Ружейный ствол, раскаленный пальбой, — такой грелки хотел палач Санжеренко.

Выселения отложили пока. Начали отказывать в продовольствии.

Рабочие телеграфируют в горный департамент:

> «Следствие не производят. Отказывают в продовольствии, выдворяют с квартир. Жилого места вблизи нет. Просим вывезти нас до железной дороги, произвести расчет по 10 сентября, ибо контракт нарушен Лензото. Имеем данные. Ждем ответа.
>
> 8000 рабочих».

И одновременно телеграфируют иркутскому генерал-губернатору Князеву. Он считался тогда в сибирских демократических кругах либералом.

> «Продовольствие семейным для жен, детей не выдается. 10 марта об'явлен расчет — не выдают до сих пор... Полицейские власти насилуют на работу. Вызывающие поступки полиции волнуют нас».

Вместо горного департамента отвечает иркутский горный инженер Александров. Отвечает с подчеркнутым злобным издевательством:

> «Мне сообщали, что забастовщики обещали прокармливать за свой счет тех, кто примкнет к забастовке. Поэтому рекомендую забастовавшим рабочим исполнить свое обещание, или неимущим выйти на работу для отработки своего пищевого довольствия».

«Либеральный» генерал-губернатор тоже не сам ответил. Он поручил это губернатору Бантышу. И этот губернаторский ответ тоже недалеко отошел от издевательского ответа горного инженера:

> «Волноваться незачем, — телеграфирует приискателям Бантыш. — Становитесь на работу, что не исключает пред'явления исков к Лензото. Надо было заявить мне свои претензии в бытность мою летом в Бодайбо.
>
> Губернатор Бантыш».

Рабочие виноваты, по мнению царского управителя, уже тем, что не заявили ему о своей забастовке год назад!..

Все шавки Лензото и правительства одновременно наседают со всех сторон: становись на работу!.. Заливисто лают, кусают, не дают передышки.

Им важно теперь уже не к мирному соглашению привести стороны, а спровоцировать рабочих на выступление, вызвать их на улицу, чтобы покончить разом. По образному выражению карателя-офицера Санжеренко «погреть руки»! Залить кровью, но подавить.

3. ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОВОКАЦИЯ

И офицер Санжеренко не одинок теперь.

К 18 марта на приисках появился жандармский ротмистр Трещенков. Человек испытанный, с испытанным прошлым. 9 января пятого года он встречал гапоновское шествие на Дворцовой площади — знает толк в расстрелах безоружных рабочих.

Слезая с поезда в Феодосиевской, понюхал воздух, хвастливо бросил:

— Ну, какая это забастовка? Я не с такими справлялся! Всю эту шваль быстро приведу к порядку!..

И в тот же день, за обедом у главноуправляющего Теппана, заявил конфиденциально и многозначительно:

— Я имею указание губернатора подавить забастовку силою оружия!

— Конечно же так, — удовлетворенно откликается хлебосольный хозяин, — Лензото настолько важно для государства... для спасения дела человек 60 можно и пожертвовать!..

На другой день, тоже за обедом у другого хлебосола — судьи Хитуна, Трещенков с апломбом раз'яснял юридические основы расстрела:

— Есть сенатское раз'яснение, допускающее стрельбу и по мирной толпе!..

Судья Хитун не отрицал этого и хвастливо добавил:

— А у нас вчера — перед тем, как выселять из квартир — доктора уже перевязочные средства заготовляли!

План облавы вчерне на месте уже был готов. Непосредственные его выполнители понимали друг друга с полуслова. Нужен был лишь сигнал к атаке.

21 марта губернатор Бантыш просит у департамента полиции разрешения назначить ротмистра Трещенкова начальником полиции Олекминского округа, с подчинением ему обоих исправников и всей горной полиции.

22 марта товарищ министра Золотарев, шеф жандармов, без промедления и самолично отвечает: «К назначению Трещенкова препятствий нет».

Но тут же соображает, что такое скорое и пассивное согла-

сие ему, пожалуй, и не к лицу: промежуточная местная власть (к тому же гражданская) может своей инициативой внести путаницу, повести дело не так, как его следует повести.

И на другой же день (23 марта), вдогонку собственной телеграмме, Золотарев дает новую, директивную:

> «Безотлагательно дать ротмистру Трещенкову определенные директивы для локализации забастовки, прекращения незакономерных выступлений со стороны забастовщиков и выполнения законных постановлений судебной власти. № 157
>
> Золотарев».

Шеф жандармов Золотарев лучше губернатора Бантыша понимал роль своего подручного. Он подчеркивает главную задачу жандармского ротмистра и одновременно развязывает руки непосредственным выполнителям на месте действий. Эта его телеграмма и является тем сигналом, которого ждут на приисках Трещенковы, Теппаны, Хитуны, Санжеренки и вся притаившаяся кровожадная свора.

Но губернатор Бантыш совсем не расположен оставаться в стороне, быть лишь передаточным звеном. Он ведь все-таки губернская власть, обязанная учитывать все местные условия, комбинирующая местную политику во всем ее целом. Нельзя его, Бантыша, обходить — ни по должности, ни в виду понимания им «государственных интересов», ни по проявленной им готовности к выполнению... Да и не в Трещенкове одном свет на приисках. Надо же это понимать и принимать во внимание!..

И в ответе задетого в «лучших чувствах» губернатора Бантыша вице-министру Золотареву звучит даже некоторая обида:

> «С ротмистром Трещенковым, по соглашению с начальником жандармского управления, сделаны необходимые предварительные соглашения. По получении ожидаемых мною сведений от инженера Тульчинского, ротмистра Трещенкова, прокурора Преображенского, я смогу дать Трещенкову определенные директивы, каковые лишь тогда и достигнут локализации забастовки, согласно телеграммы № 157.
>
> Губернатор Бантыш».

И он прав, этот Бантыш, намекая министру Золотареву на его стремительную незамаскированную поспешность: поспешишь — людей насмешишь... Он, Бантыш, имеет еще один план — план генеральной провокации, который может снять с Трещенкова всю его будущую вину и переложить ее на самих забастовщиков. И недаром он ожидает сведений от инженера Тульчинского и прокурора Преображенского прежде чем развязать Трещенкову руки.

В тот самый именно день — 24 марта, канун пасхи — когда он посылает свой ответ шефу жандармов Золотареву, инженер Тульчинский на приисках проводит подготовленный им с Бантышем генеральный план решающей провокации — срыва всей забастовки.

С утра 24 марта Тульчинский оголяет все прииски от забастовочного руководства: он приглашает всех выборных к себе, на Успенский прииск, на окончательное и генеральное совещание. Вся головка приисков — человек 60 — наскоро сговаривается и советуется в рабочих бараках. На это уходит почти весь день. А к вечеру они попадают к Тульчинскому.

В приемной, над дверями в обширный зал блестит золотом евангельская славянская вязь: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененные, и аз упокою вы»...

Радушный хозяин предлагает раздеваться и проводит под евангельскую надпись в зал. Очень извиняется, что не может предложить гостям чаю:

— Боюсь беспокоить своего старого слугу! Да и вас не подвести бы: прииискатели могут истолковать угощение в дурную сторону.

Намек на то, что рабочая масса может заподозрить своих выборных в продажности. А он, мол, Тульчинский, оберегает их репутацию.

Одновременно Тартюф и Иудушка Головлев... Он добродушен, говорлив. Слова укладываются округло и мягко. Он говорит о том, что знает жизнь и людей, понимает суровость окружающих условий. Хочет найти примиряющую правду жизни.

— Вы и «они» для меня равны: у тех и других естественное недовольство создавшимся положением...

Он мягко переходит на деловой тон. И переход не режет уши, звучит тем же добродушием, незлобивостью хотя и уставшего от дел человека. Ласковая улыбка не сходит с лица: он принимает как хозяин гостей, а не как формалист-чиновник подведомственных ему людей.

— Итак, позвольте мне, как хозяину дома, руководить собранием! Но прежде, чем говорить о деле, позвольте мне высказать...

И как разболтавшийся доброжелательный, добродушный, «старший друг», с неизменно доброй своей улыбкой, повествует «молодым друзьям» свою жизнь, начиная с самого детства. Он ведь прошел большой жизненный искус. Он накопил необходимый житейский опыт. И ему хочется поделиться этим опытом, приносящим мудрость. Поделиться с людьми, которым знакома и еще более суровая жизнь. И он рассказывает это только для них, понимающих и всегда готовых воспринять все правдивое и хорошее...

— Но я вас очень прошу не оглашать моей невольной исповеди... хотя бы в ближайшие годы...

Для всех очевидно: человек готовно открывается, как на исповеди... Ему ли не верить?..

Слова журчат и ложатся ласково, незлобиво. Их перемежают и подкрепляют личные и служебные письма и телеграммы говорливого хозяина. И хозяин все говорит, говорит — час, другой, третий... И нет его словам конца-краю.

Баташев пытается несколько раз перейти к делу. Но его с боков, сзади дергают за полу: так редко рабочему человеку, да еще в тайге, приходится слышать простые добрые речи... Баташев успевает только вручить хозяину — председателю заявление приисковых женщин. В нем излагают они особые свои, женские, наболевшие нужды.

И хозяин новыми ласковыми словами ползает по женской петиции—жалобе. С благородной слезой говорит о женщине-матери, о святом ее назначении... Тихо, проникновенно льется хитрая речь...

Он приехал на прииски... Одному ему трудно было бороться с Лензото...

— Конечно, забастовка — несчастье, от которого страдает и та и другая сторона. Мне известны ваши нужды, я боролся за них, но был одинок. Теперь, вместе с вами, мы можем указать, что законы писаны и для Лензото. Хоть и плохие наши законы... Но теперь мы сумеем заставить их уважать...

Он взглянул на часы. Время подходило к полночи — пасхальной заутрене.

И не меняя тона, с той же разыгранной задушевностью и простотой, он продолжал:

— Договор нарушило Лензото — в этом нет никакого сомнения. И мы заставим его выполнять... как только приискатели станут на работу. Я об'еду завтра прииски и сам буду просить рабочих стать на работу... Вас же прошу помочь мне. Тогда я смогу в дальнейшем приносить вам пользу...

Ударили в колокол. Тульчинский перекрестился.

— Я пойду к заутрене. Вам тоже пора к вашим семьям, в церковь... А завтра я поеду на прииски!

Тульчинский пошел одеваться для церкви. Выборных торопили заждавшиеся возчики: они тоже спешили «к семьям и в церковь».

Ни столковаться, ни решить что-нибудь у выборных не было возможности — так заговорил гостей словоохотливый, добродушный хозяин. Они раз'ехались по местам, даже не обменявшись впечатлениями. Ездили ни за чем, повезли ничего. Лишь условились завтра собраться на приисках, обсудить и вынести определенное решение.

А целый этот убитый день, когда уполномоченные собирались к Тульчинскому и слушали его излияния, — с утра и до ночи, по обезглавленным приискам и баракам, вместе с предпасхальной суетой, а потом и в церкви — ползла, передавалась, выслушивалась новая подлая клевета:

— В ы б о р н ы е п р и ш л и с Т у л ь ч и н с к и м к с о г л а ш е н и ю!..

Раскрывалось заготовленное Тульчинским и умело преподнесенное выборным и рабочим пасхальное яйцо. Бывают такие точеные из дерева раскрашенные яйца для детей: откроешь одно, а в нем другое сидит, поменьше, в другом — третье...

Из самого последнего на этот раз выглядывала змеиная голова — с благодушными чертами и медовыми речами инженера Тульчинского.

А этот муж, фарисейски-фальшивый и хитрый, отдав богово богови, поехал по приискам. С теми же медовыми речами и «благостной вестью»: «выборные за прекращение забастовки»... Он мог это говорить, не опасаясь быть уличенным во лжи: ведь он с ними об этом говорил, они его молча слушали. Молчание— знак согласия.

Часть выборных ему действительно удалось и заговорить: единодушие выборных в предпасхальный вечер оказалось поколебленным.

В бараках Тульчинского слушали внимательно. Но как только доходила речь до приглашения на работы, поднимались возмущенные крики:

— Слыхали мы обещания!..

— Стань на работы, а потом и кусай пальцы!..

Он начинал им доказывать, что когда рабочие станут на работу, тогда можно будет взыскать с Лензото за нарушение договора.

Его перестают слушать и начинают расходиться — как будто они не знают своих хозяев? Как будто изменились за это время судьи?..

И когда Баташев появляется в бараках Феодосиевского прииска, его настороженно окружают рабочие с других приисков. Они уже все оповещены, волнуются, присланы сюда помимо выборных непосредственно приискательской массой, чтобы удостовериться в справедливости слухов и разговоров. И они наступают на своего главного выборного, отнюдь не скрывая своего недоверия и раздражения.

— Правда ли, что выборные будут приглашать на работы на четвертый день пасхи?

Эту «весть» разнесла шпионская сеть Лензото, за это дрались меньшевики, — оппортунистическое, путающееся в ногах крыло стачечного комитета, всеми силами своего «красноречия» помогавшее Тульчинскому.

— Ничего подобного! Мы выбраны для забастовки, а не для

приглашения на работы. И вы это знаете. Без ведома всех рабочих мы такого решения выносить не имеем права.

Удар Тульчинского рассчитан был правильно. Часть выборных оказалась склонной к окончанию забастовки. Но они тотчас же попали под рикошет предыдущей клеветы: рабочая масса зачислила их в разряд подкупленных администрацией. И с ними перестали считаться.

В этот момент трудно было сказать, кто кого вел — стачечное бюро руководило рабочими массами, или массы толкали стачечное бюро к активному руководству. Вероятнее последнее. Во всяком случае небольшая группа большевиков была сильна этой поддержкой самих масс. Решимость их оставалась непреклонной — бороться с Лензото до конца.

Центральное бюро постановило: с т а ч к у п р о д о л ж а т ь. И рабочие единодушно это постановление поддержали.

4. АРЕСТ ВЫБОРНЫХ

Попытка Тульчинского сорвать забастовку превратилась в срыв рабочими провокации Тульчинского—Бантыша. Классовая дисциплина и выдержка рабочих, их вера в свое правое дело оказались, пожалуй, на большей высоте, чем классовое чутье тех выборных, что поддались на меньшевистско-тульчинскую удочку. Все грязные подходы администрации, рассчитанные уловки для срыва стачки так же, как и провокационные попытки вызвать рабочих на улицу, на открытое столкновение с подготовленной вооруженной силой оказались безрезультатными.

Стачка продолжалась с прежним упорством.

В первый же день пасхи, когда Тульчинский выяснил свою неудачу, губернатор Бантыш даже растерялся как будто. Только что накануне (24 м а р т а) в расчете на удачу Тульчинского, он так уверенно, с сознанием своего достоинства, телеграфировал шефу жандармов Золотареву, что он, Бантыш, тоже не лыком шит и знает, что делать — останетесь, мол, довольны. А ровно через сутки он шлет длиннейшую телеграмму самому министру Макарову. И как будто расписывается в своем бессилии.

Он резко подчеркивает физическую и техническую невозможность выселения рабочих из квартир по постановлению мировых судей: рабочим некуда податься — вокруг нет никакого жилья. И их нельзя выселить с территории приисков — для этого пришлось бы гнать для них из Бодайбо лошадей, за 300 верст по тайге, где нет ни фуража, ни продуктов. И с выселяемыми пришлось бы наряжать конвой, т. е. обессиливать приисковую охрану.

> «Вообще теоретически эта мера может быть чрезвычайно желательной, в особенности, для Лензото и, при возможности ее выполнения, оказала бы бесспорно существенное влияние на прекращение забастовки. Но вопрос в том, как ее фактически привести в исполнение и какими мотивами я должен буду оправдываться в доказательство закономерности и целесообразности моих по этому поводу распоряжений.
>
> Обязать Лензото кормить забастовщиков за свой счет я не могу, но вызывать бунт на почве голода между должниками Лензото я тоже не могу».

Так и кажется, что несчастный, недалекий, недостаточно решительный губернатор попал в переплет: между стремлением к действию и невозможностью действовать; между долгом служаки-администратора и совестью доброго человека; между желанием «обязать Лензото кормить забастовщиков за свой счет» и боязнью вызвать бунт этих забастовщиков «на почве голода»...

И он, как Буриданов осел между двумя торбами с кормом, терзается сознанием своей безвыходности.

Чорта с два!.. Он не был бы российским губернатором, если бы не умел понимать и выполнять волю пославших его. Он не был бы передаточной шестерней самодержавной российской машины, если бы по примеру римского губернатора Пилата Понтия не умел двурушничать...

Он не подает в отставку — значит ничуть не растерялся. И его не гонят в отставку. Значит понимают, что он говорит именно то, что должен говорить и чего от него там ждут. Он великолепно усвоил двурушническую политику и ведомственный

жаргон. Публично демонстрируя свою законопослушность и, якобы, сердечное отношение к рабочим, он ясно подчеркивает министру: из создавшегося положения возможны только два выхода — понуждение Лензото или провокация бунта. Ни того, ни другого министерство внутренних дел открыто не может поддерживать — нет «мотивов для доказательства их закономерности и целесообразности». Нужны чрезвычайные меры, принятые как бы не нами. Благоволите распорядиться.

Таков скрытый смысл его «растерянной» телеграммы. Умыв руки, он спокойно выжидает событий.

Пасха на приисках проходит также спокойно. Начальство прекращает на эти несколько дней свою телеграфную суетню, отдавая дань празднику. Имеется, повидимому, и некоторый расчет на праздничные случайности: не удалась провокация, может помочь праздничное похмелье.

Не вышло и это. Рабочие твердо помнят первоначальное свое решение: отказаться на время забастовки от водки. И держат решение крепко.

Но заправилы Лензото в Питере теряют всяческое терпение. В их расчеты не входит кончать забастовку, хотя бы и плохим миром... Добрая ссора с рабочими для капитала (особливо финансового) всегда предпочтительнее, чем худой мир. После надлежащего кровопускания — капитал по долгому и многому опыту это знает — всегда наступает более или менее длительный и хороший для него, прибыльный «мир».

И когда под руками все кнопки самодержавной царской машины, когда вся эта машина смазывается шерами, а сам царь, со всеми отпрысками и челядью, крупный пайщик финансового капитала...

Так в чем же дело?.. Ведут какие-то переговоры, зачем-то умничают, либеральничают... Тянут нудную, ненужную канитель, когда дело совсем так просто!..

И нажимается центральная кнопка...

2 апреля начальник иркутского жандармского управления телеграфирует непосредственно ротмистру Трещенкову:

«Директор департамента полиции телеграфирует мне: предложите непосредственно ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет. Если не будет данных для дознания или следствия, возбудите охранную переписку. Об этом сообщаю.

Полковник Познанский».

Вот он другой Понтийский Пилат: сам не приказывает, а лишь «сообщает» о полученном им приказании. «Предложите Трещенкову»... И он предлагает Трещенкову между строк: сделать выводы самому, не требуя от начальства ясности, ненужной в данном случае и могущей потом стать обличением.

Местная губернская гражданская власть как бы обойдена. Министерство внутренних дел будто бы не при чем: департамент полиции исстари (все это знают) был в его ведомстве только формально и часто своевольничает (это тоже известно всем). Какой еще может быть лучший выполнитель-громоотвод? И департамент полиции берет на себя инициативу и руководство. И увязывается со своим непосредственным выполнителем Трещенковым.

Способ передачи этой телеграммы явно рассчитан на то, что Трещенков должен стать, не может не стать фактическим диктатором приисков. Между строк ему дается право на это. В строках же (не прямо, а косвенно) развязывается его погромная инициатива: приказ об аресте стачечного комитета— это санкция на все дальнейшие решительные действия, логически вслед за арестом неизбежные.

Это властный из Питера сигнал к стрельбе. После него все разговоры о том, был или не был дан предупредительный сигнал за минуту перед стрельбой на месте, — эти разговоры должны оказаться пустыми, никчемными, перекладывающими вину с главного виновника на третьестепенного, с организатора на выполнителя, с министра на стрелочника.

В этом основной смысл самодержавной царской машины: люди утрачивают человеческое лицо. Механически становятся шестернями и винтиками гигантской преступной машины. Преступление становится жизненным обиходом, бытом, неписан-

ным законом общественной жизни. Противодействие преступлению оказывается преступным беззаконием.

«Ленский расстрел, — говорит Ленин, — ...явился точнейшим отражением **всего** режима третьеиюньской монархии. Вовсе не борьба за одно из прав, хотя бы самых кардинальных, самых важных для пролетариата, характерна для ленских событий. Характерно для них полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во **всех** отношениях. Характерно вступление провокатора, шпиона, охранника, слуги царя на путь массовых расстрелов без всяких политических поводов»[1].

И преступление вместе с тем обезличивается: шестерня, искромсавшая руку рабочего, в такой же мере в этом повинна, в какой и всякая другая деталь той же самой машины, или двигающий ее паровой котел. И как бы кошмарно ни было преступление, кто бы ни оказался около него непосредственным выполнителем, — индивидуальная вина исчезает, обобществляется на всю систему.

Трещенков принял сигнал и понял его.

В этот же день он получил непосредственное указание об аресте стачечного комитета и от губернатора Бантыша.

— Но все равно, — говорит во время следствия Трещенков, — арест стачечного комитета я произвел бы и не получив телеграммы от губернатора: я, как жандармский офицер, не выхожу из подчинения своего непосредственного начальства!

То есть департамента полиции. Как германское двойное подданство.

Расчет департамента полиции на Трещенкова оказался совершенно правильным. Так же как расчет и самого министерства внутренних дел на департамент полиции.

Губернатор Бантыш, выдвинувший Трещенкова в диктаторы приисков, спровоцировавший через Питер отвод на него решительных действий, теперь снова в мундштуке, снова боевой конь, которому дали шпоры.

3 апреля, он получил вчерашнюю телеграмму от своего доверенного лазутчика — провокатора Тульчинского:

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 534.

«Сегодня работало механических 43, водяных 110[1]. Обходил, совместно с Трещенковым, казармы Андреевского, Прокопьевского. Замечается постепенный внутренний разлад среди бастующих. Арестование некоторых, оказывающих вредное влияние, представляется желательным.

Тульчинский».

Сопоставьте тон этого рапорта-доноса с евангельским тоном того же Тульчинского в предпасхальной беседе с выборными. И вы не сможете удержаться от справедливой оценки: не человек, а продажная тварь...

И губернатор сейчас же шлет дополнительный и распространительный приказ Трещенкову:

«По из'ятии стачечного комитета учтите появившийся раскол между бастующими и впечатление, вызванное этой мерой. При благоприятных результатах, арестуйте немедленно всех остальных подлежащих заключению под стражу по требованию следственных властей. Об исполнении донести».

И тут же, не переступив с ноги на ногу, диктует новую телеграмму министру Макарову:

«Ныне можно констатировать первые появления признаков разложения забастовочного движения. В этих видах мною 2 апреля была послана телеграмма ротмистру Трещенкову произвести аресты стачечного комитета... Сегодня получил телеграмму, что арест произведен ночью... Бантыш».

Арест стачечного комитета и выборных произведен ночью 3 апреля.

И в эту же ночь инженер-провокатор Тульчинский уже испуганно взывает к Бантышу:

---

[1] На прииски прибыло много штрейкбрехеров, набранных «Ленэото».

«Полагал бы необходимым, в устранение возможных в будущем осложнений, немедленную посылку сюда сотни казаков».

В медвежьей охоте натасканные лайки готовы выпрыгнуть из собственной шкуры, чтобы поднять из берлоги зверя, поставить его под дуло. Они нередко в таких случаях самоотверженно рискуют не только шкурой, но и собственной подлой собачьей жизнью.

Лайки-двуногие из псарни российского самодержавца не столь самоотверженны и более предусмотрительны. Они требуют достаточно непроницаемой цепи стрелков и проверки ружейных замков.

Тульчинские знают, что делают. И знают, к чему приводят их действия. Забота о казаках — забота о целости собственной подлой шкуры: арест комитета и выборных, по господскому и их расчетам, не может не вызвать на улицу рабочие массы.

И это даже не расчет, если искать точное правильное определение: всякий расчет в самом себе несет двойственность: или-или... правильно или неправильно, удача или неудача.

Здесь не было такой двойственности. Не было ни малейших сомнений в результатах ареста комитета. Раз изолированы от массы выборные для переговоров, вынуждены заговорить непосредственно сами массы. Это не расчет, а точный дьявольский учет непреложного, неустранимого факта.

5. РАССТРЕЛ

И произошло то, что давно ожидалось и подготовлялось, что должно было произойти, не могло не произойти.

В ночь на 4 апреля арестованы стачечный комитет и выборные. Обезглавленные рабочие с утра уже были взволнованы и обеспокоены. За отсутствием организованного ядра, они собирались и обсуждали создавшееся положение целыми приисками. И целыми приисками, для информации и обсуждения, естественно передвигались от периферии к центру, от прийс-

ков, отброшенных к краям, к тем приискам, где сосредоточена администрация и приисковая власть.

Они хорошо знали полицейскую повадку — расправы с «зачинщиками». И они принимали все меры к тому, чтобы показать: у нас нет зачинщиков! Мы все одинаково зачинщики!..

— После обеда к нам на прииск, — показывает на следствии рабочий Маслов, — пришли все рабочие Андреевского прииска. Мы присоединились к ним, около 600 человек. Вместе пошли на Александровский прииск, который также пошел с нами.

На Пророко-Ильинский прииск пришли уже соединившиеся в пути рабочие Андреевского, Васильевского, Успенского. Все, вместе с пророко-ильинцами, решили итти на Надеждинский. По дороге к ним присоединились рабочие Александровского прииска, уже включившие в свой состав и рабочих с Липаевского.

На приисках Феодосиевском, Прокопьевском та же необходимость выяснить и обсудить вылилась в аналогичное движение к Надеждинскому.

Весь процесс такого всеобщего «исхода» с приисков занял все время с утра до послеобеда.

Какая же цель этого исхода?.. Что именно конкретно ставили себе в задачу рабочие, тянувшиеся узкими лентами по проселкам от прииска к прииску одним направлением — на Надеждинский?..

— В виду того, что, кто заявляет, или передает заявления от всех, их арестовывают, — мы пошли с заявлениями все к товарищу прокурора на Надеждинский.

Так об'ясняют дело рабочие-свидетели и участники. И в этом отношении нет никаких разногласий.

Шли на Надеждинский прииск с жалобами товарищу прокурора Преображенскому о незаконных действиях приисковой и правительственной администрации. И хотели просить об освобождении арестованных, избранных по предложению властей.

— Считая арест незаконным, направились на Надеждинский к окружному инженеру Тульчинскому и ротмистру с просьбой освободить арестованных...

— Забрали наших выборных, хотя мы выбирали их по приказанию начальства: оно отказалось об'ясняться с толпой. И мы ходили подавать прошения товарищу прокурора.

Председатель стачечного комитета Баташев так вспоминает об этом:

«Думая, что арестован весь забастовочный комитет, возмущенные рабочие решили во что бы то ни стало пойти к прокурору Преображенскому потребовать освобождения арестованных товарищей и подать «сознательные записки», в которых говорилось, что каждый забастовал сознательно и что никаких подстрекателей среди рабочих не было. Рабочие Утесистого прииска двинулись на Андреевский. Возбуждение дошло до крайних пределов и охватило все прииски. Рабочие отправились пешком за сорок восемь верст на Надеждинский прииск... Никакие разговоры и доводы не могли остановить идущих. Рабочие все шли и шли, пополняясь новыми рядами с каждого прииска».

К Надеждинскому подходила уже к 5 часам дня, по узкому приисковому проселку, длиннейшая приискательская толпа. И даже не толпа, а живая лента — 3.000 человек — версты на две.

Несмотря на предупреждения выборных о возможности столкновения с войсками, рабочие были полны непреклонной решимости заявить о своей солидарности с арестованными товарищами. Они знали о вызванной части из Киренска, но не думали, что расстрел мирной невооруженной массы людей решен и подготовлен заранее. Настроение у всех было чрезвычайно далекое от каких-либо боевых предположений и ожиданий. Шли не спеша. Мирно разговаривали друг с другом. Говорили о простых житейских вещах, к цели хода не относящихся. Знакомые присаживались группами около дороги — отдохнуть, покурить, посмотреть знакомых среди тех, кто идет сзади, переброситься с ними приветствием...

— Когда передние стали разговаривать с Тульчинским, — рассказывает один из раненых, — часть рабочих расселась около: кто на штабеля дров, кто на изгородь, а кто и прямо на снег. Стали закуривать. Я тоже сел на изгородь у дороги...

Разве так ведут себя люди, которых после расстрела обвиняют в предварительном уговоре напасть на вооруженных солдат?..

И это как раз в тот момент, когда боевой рожок трубит сбор, выбегают из народного дома солдаты, берут ружья на изготовку... А «подготовлявшие нападение» прииcкатели сидят спокойно перед лицом врага на изгороди, на бревнах, на снегу и покуривают...

Даже эти люди, видевшие в своей жизни и испытавшие на себе всяческие чужие мерзости и преступления, не ожидали того чудовищного вероломства, той кровавой бани, которая им готовится.

Они обступают встретившего их Тульчинского с своим протестом. Они успевают подать ему в руки общую бумагу-петицию, где нет ни одного резкого слова, ни одного намека на какое-либо желание их применить «незаконные» методы борьбы. Их заявление непритязательно, просто, как непритязательна и проста вся их жизнь:

> «Мы, бывшие рабочие Ленского золотопромышленного товарищества, решили через вас, господина окружного инженера, об'явить блюстителям порядка, что работу мы прекратили по вине Ленского золотопромышленного товарищества, управление которого нарушило наш договор и об'явило нас рассчитанными, прервав с нами всякие сношения. Нарушения эти признали и вы. Вновь поступать не желаем, а свое право будем искать по суду.
>
> За все 35 неработанных дней среди нас не появилось ни малейшего беспорядка и насилия, — никаких главарей и подстрекателей у нас нет. Если же наши охранители ищут среди нас таковых, то это не главари, а те, которых по требованию г. исправника мы послали для об'яснения с администрацией: исправник заявил, что со всеми нами, как с баранами, говорить не желает. Вы также потребовали на об'яснение послать некоторых лиц, но не всех...

...Мы действуем каждый по своему убеждению и своей личной совести. Примером служат те лица, которые хотели работать, те и работают, мы не препятствуем им, а всего ясней то, что мы каждый в отдельности от себя дали письменные заявления товарищу прокурора. За тишиной и порядком наблюдаем строго сами за собой...

Мы просим нас не охранять, так как мы сами себя охраняем. Копию с этого заявления мы оповестим миру...

Бывшие рабочие Ленского золотопромышленного товарищества в том подписуемся: Андреевского прииска, Пророко-Ильинского прииска, Александровского прииска...».

И эта безыскусственно-простая петиция-жалоба обращена именно к Тульчинскому... Какая невероятная и страшная политическая ирония!.. Тульчинский именно немало и добросовестно поработал над тем, чтобы вынудить их выйти на лобное место. Он, вкупе с Трещенковым, поставил их, как мишень, перед подпоенными и подкупленными солдатами. А они, как дети, поверившие его фарисейским словам, к нему же пришли искать защиты от блюстителей приискового порядка — его же сообщников, друзей и кормильцев.

Это невероятным показалось даже и самому предателю.

В последнюю минуту Тульчинский бросается к процессии, чтобы остановить ее. Может быть хлибкая интеллигентская совесть отметнула его на момент от Трещенкова и других. Может быть кровавый кошмар, о котором он знал и который помогал подготовить, еще не совершенный, уже испугал его. И он непроизвольно, не отдавая себе отчета, хотел предупредить его, остановив шествие, пока оно не подошло вплотную?..

«Не дойдя 120 саженей до квартиры прокурора,— телеграфирует раненый Михаил Лебедев в Гос. думу, — нас встретил окружной инженер Тульчинский, уговаривая, во избежание столкновения с войсками, остановиться и разойтись. Передние, повинуясь, стре-

мились остановиться, но трехтысячная толпа, растянувшаяся за две версты по узкой дороге, не зная причины остановки передних, продолжала напирать, увлекая и Тульчинского со стражником».

— В то время, как часть рабочих разговаривала с Тульчинским, — рассказывал потом рабочий Орлов, — я услышал сигнальный рожок... Из народного дома выбежали солдаты и построились в линию поперек дороги — приблизительно в саженях 150 от рабочих...

Как все понятно и трагически просто!

Передние не только останавливаются около Тульчинского. Они разговаривают с ним, вручают ему свои петиции, они обступают его со всех сторон. Он оказывается в плотном, живом кольце. И когда потом рабочие говорят, что он чудом остался цел, то это чудо подготовили они сами, загородив его спину от пуль. Они сами, приняв на себя эти пули и падая, увлекли за собою на землю Тульчинского и спасли его от заслуженного им конца.

Другие, не дойдя до Тульчинского, рассаживаются на штабелях дров, на изгороди, на снегу, закуривают...

А смерть уже расправляет крылья за их плечами...

Никто не ожидал стрельбы, когда она началась. Никто не думал о ней в этот момент, кроме Тульчинского, участвовавшего в ее подготовке. Никто не слышал предупредительного сигнала (если только он был), так не подходила стрельба к настроению и целям процессии.

И только, когда разорвали воздух залпы, когда повалились на землю десятки трупов, когда раздались стоны и вопли десятков раненых, — люди поняли! Они в ужасе инстинктивно сами бросались на землю, ползли к прикрытиям, пытались спасаться бегством.

Залпы не щадили лежащих, не оставляли жизни ползущим. Они настигали и тех, кто пытался бежать. Людей расстреливали в упор, вкладывая в винтовки обойму за обоймой.

— Вдруг я услышал выстрелы, — показывал потом рабочий Маслов, — люди передо мной стали валиться. Я лечь не успел и был ранен в грудь... Пуля вышла из лопатки.

— Я после первого залпа соскочил с изгороди, — показывал рабочий Орлов, — и пополз под изгородью. В это время я был ранен... Выходная рана очень длинная и широкая...

— Я стоял наискось дороги, — говорил рабочий Сысоев, — и наклонился, чтобы лечь на землю... В это время почувствовал боль в правом боку под рукой и упал.

Сотни убитых, большею частью в спину и в бок, уже не могут ничего показать. Их показания так же, как и сами они, зарыты в братской могиле.

Сотни убитых и раненых остались грудами на дороге и около. Их никто не считал. К похоронам, кроме солдат и полиции, никто не был допущен. Рабочие специальной телеграммой в горное управление просили разрешить им похоронить убитых самим. И, конечно, им никто не ответил. От них оберегали трупы, как боевую добычу, плотным кольцом солдат и полиции.

Приисковый поп отпевал их гуртом — по списку, данному ему приисковой полицией. Список заключает в себе 170 имен— круглая цифра, ни больше, ни меньше!

— Начались разговоры о несоответствии со списком числа погребенных, — показывал потом судья Рейн. — Тогда Трещенков сказал, что 9 января на Дворцовой площади тоже несколько сот убитых не было показано.

Список раненых составлялся значительно позже, по выздоровлению их, — для определения степени потери трудоспособности. Значит вошли в него лишь тяжело раненые. Их оказалось 196. Умерших от ран уже после похорон и до этого списка, вероятно, было немало. Раненые не на смерть и без калечества ни в какие списки не попали.

Был вечер и ночь 4 апреля. Ужас и смерть нависли над приисками. Убивающий волю, разум, человеческое достоинство и чувства человеческие, ужас голгофы. Единственное живое место, в царстве мертвой тайги и тундры, было придавлено, замерло.

Лишь телеграф выстукивал молодецкий отчет Трещенкова его господам. Да еще иудина душа инженера Тульчинского томилась над телеграммой-наветом губернатору Бантышу:

«...Несмотря на предупреждения, сделанные сигналом, толпа, вооруженная кольями, кирпичами, камнями, угрожающе надвигалась на войска, которые дали несколько залпов. Убито 107, ранено 83. Присоединяюсь к ходатайству ротмистра Трещенкова об об'явлении приискового района на военном положении и об экстренной высылке войск по Витиму — дорога простоит до 20 апреля, по льду Лены, войска могут последовать почтовой тропой, № 360. Тульчинский».

Как будто рабочие спасли его от смерти своими телами именно затем, чтобы он еще раз нагло оболгал их и опять попытался устроить им новую, такую же кровавую баню.

Он будет потом гадко и унизительно извиваться, изворачиваться в собственных грязных, лживых выдумках. Будет еще и еще мелко и гнусно лгать, выпутывая себя и сваливая все на других. Будет трусливо прятаться за Трещенкова. Но иудина жеста — бросить серебряники и повеситься на первой осине — у него не окажется. Тульчинские слишком для этого мелки, хотя и не менее гадливы.

И он еще где-нибудь вынырнет...

К слову. Пять лет спустя я его встретил в Чите, на заседании февральского комитета общественной безопасности, в качестве члена кадетской партии. Скромный, благообразный пожилой господин — на лице благодушие и покой, гладкая наружность, мягкий жест, седоватые холеные усы. Он не выступал, лишь внимательно и расположенно слушал других выступающих.

Большевик Исаев, входивший в комитет общественной безопасности от совета рабочих, потребовал немедленного его ареста:

— Я считаю, что здесь не место провокаторам и предателям рабочего класса!..

Эсеры подняли против Исаева негодующий крик. Начались принципиальные прения. Возникли неразбериха и сутолока.

Тульчинский незаметно исчез. И больше в Чите мы его не видели.

6. «ТАК БЫЛО, ТАК БУДЕТ»

На пару дней на приисках как будто затихают всякие распоряжения власти — центральной и местной. Торопятся с похоронами. Спешат засыпать могильной землей всякие следы чудовищного преступления. Бодайбинский телеграф в эти дни не обременен.

Тем более основания воспользоваться этим затишьем самим телеграфистам. Начальник бодайбинского телеграфа не может не поделиться с своим иркутским начальством:

> «По слухам, после ужасного события 4 апреля, к трупам, кроме военных чинов и полиции, решительно никто не допускался. Похороны производились без участия посторонних.
>
> Говорят, что было полное мародерство. Вчера помощник мой доложил мне, что солдаты, очевидно участвовавшие в расстреле, сдают на почту деньги от 100 до 400 рублей...
>
> Булатов».

Трудно сказать, просто ли это профессиональная почтовая сплетня относительно мародерства, или инспирированный отвод. Что солдатам полностью были развязаны руки для грабежа убитых рабочих и что они охулки на свои руки не положили, — в этом нет никакого сомнения. Но что они могли награбить у безработных убитых шахтеров, кроме лохмотьев, их прикрывавших?

И, вероятнее всего, крупные денежные сдачи на почту солдатами — это уплата им из кассы Лензото за пролитую рабочую кровь. Может быть, это как раз те деньги, которые Лензото должно было заплатить и не заплатило рабочим? И сообщение о мародерстве — не очередная ли ложь, прикрывающая правду о Лензото? Ведь почтовое ведомство, его обслуживающее, так же как и все другие приисковые чиновники, питалось от крох, подбираемых под столом господ... И знает осел ясли своего господина.

Рабочие ошеломлены, терроризованы, придавлены. Но не дезорганизованы. Нет уже и признаков доверия ни к одному

из представителей власти. Все прежние представления о ней и заблуждения на ее счет расстреляны непосредственно ею же. Ибо она именно виновница того, что случилось. Это ясно для всех.

Но они не поняли до конца всю органическую, неразрывную связь всех органов власти сверху и донизу — со всей политической системой государства российского. Связь и единство ротмистров Трещенковых, губернаторов Бантышей, министров Макаровых с династией Романовых для них еще неясна. Неясна также и связь самодержавной машины с капиталом финансовым.

И рабочие направляют свои жалобы и протесты к далекому центру, в Питер — председателю Совета министров, председателю Государственной думы, министрам юстиции и торговли, членам Государственной думы: Гегечкори, Ляхницкому, Милюкову, Маклакову, Родичеву, Белоусову...

Они сообщают о беспричинной кровавой расправе с ними и требуют следствия и суда:

> «Считаем виновниками происшедшего ротмистра Трещенкова, товарища прокурора Преображенского, следователя-судью Хитуна, употребивших оружие, не убедившись в наших мирных намерениях, просим немедленного назначения судьи, не причастного к событиям, с полномочиями следователя... Промедление с приступом к следствию до навигации крайне затруднит выяснение истины...»

Они ищут «и с т и н у», которой уже нет, которая уже зарыта, следы которой уже заметаются, потому что их истину давит и расстреливает господствующая самодержавная машина: общность и круговая порука царя, министров, губернаторов с Трещенковыми, Преображенскими, Хитунами и, необходимо добавить, Тульчинскими.

Они хотят найти истину там, где ее никогда не бывало, где их поиски всегда встречали противодействие и отпор, где справедливое и законное всегда считалось необоснованным посягательством и нарушением закона.

Рабочие хотят расследованием показать правду, как раз в тот самый момент, когда губернатор Бантыш уже готовится эту самую правду, через того же Трещенкова, добить до конца; чтобы ее запаха на приисках не было больше слышно:

> «Ротмистру Трещенкову, 7 апреля:
>
> ...Вне зависимости от оценки ваших действий в печальном событии 4 апреля, казалось бы, настроением совершившегося надо воспользоваться и арестовать, согласно преподанных вам указаний, всех лиц, подлежащих уголовной ответственности по результатам следствия. Не ставлю вам этого на вид, но спрашиваю мотивы, послужившие к отсрочке моих указаний...
>
> Губернатор Бантыш».

Он очень далек, этот губернатор Бантыш, от мысли осуждать Трещенкова за убийство и калечество 500 невинных безоружных людей. По его мнению, это не кошмарное преступление, а лишь печальное событие, случайность при наведении «законного» порядка.

Порядок этот еще не совсем наведен. Поэтому надо воспользоваться ужасом и подавленностью рабочих, чтобы арестовать всех лиц, способных навести беспорядок.

И ведь это не обмолвка глупого человека, не головотяпство Щедринского помпадура. Это — суть, быт, порядок крепостнической самодержавной машины.

«...Именно это общее бесправие русской жизни, — писал Владимир Ильич, — именно безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права, именно эта неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко, что зажгли массы революционным огнем».[1]

Через три дня тот же Бантыш сообщает о том же и министру Макарову:

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XV, стр. 534.

«...Предвидя тот упадок энергии, каковой должен был получиться у присутствующих при катастрофе должностных лиц, я телеграфировал Трещенкову о полной необходимости, вне зависимости от суб'ективных ощущений, использовать раз случившееся и, в зависимости от данной реакции, арестовать всех лиц, подлежащих заключению на четвертое число. Боюсь, что подходящий момент упущен. Понимая нравственное состояние, сейчас владеющее должностными лицами на месте происшествия, отдам своевременно надлежащее распоряжение. Губернатор Бантыш».

Видите: не только с Трещенковым он не возмущается содеянным зверским преступлением, а и с министром говорит лишь о сочувствии «нравственному состоянию» убийц, в том числе и Трещенкова, и прочих, не исключая и самого себя. До нравственного состояния приисковых рабочих, потерявших 500 своих лучших товарищей, ему нет никакого дела. И вряд ли он допускает возможность у них такого состояния: что могут понимать «низшие классы» в тонких чувствованиях? Их дело повиноваться и соблюдать определенный порядок, которому служит и за которым наблюдает он, губернатор Бантыш. И ради этого порядка он «боится», что дело еще недоделано, что подходящий момент (подавленность настроения рабочих) упущен, что возможен упадок энергии тех, кто это должен доделать.

Сто лет назад недоросль Митрофанушка лил горькие слезы от жалости к своей матушке: она так устала, и у нее заболели рученьки, походя колотить батюшку.

Сто лет спустя Митрофанушки переродились в губернаторов Бантышей. И губернаторы Бантыши отнюдь не стыдятся, над свежей братской могилой сотен погибших рабочих, выражать соболезнования их палачам по поводу их, палачей, «нравственных» переживаний.

И министр Макаров не прогнал в отставку губернатора Бантыша — за откровенный цинизм, за косвенное обнаружение предварительного сговора финансовых троглодитов с ро-

мановской шайкой, за открытое пренебрежение к сотням жизней российских рабочих...

Он не был бы царским министром, если бы это сделал. Царский министр такой же царский холоп, как и Бантыш, как и Трещенков, как и Тульчинский с Хитуном. Все они — одно целое — банда преступников с атаманом-царем, связанная круговой порукой насилий и измывательств над трудовыми российскими массами. И пока эта преступная банда, именуемая царским самодержавным укладом, существовала, до тех пор российских рабочих и крестьян безнаказанно расстреливали подлые выродки — Трещенковы, Преображенские, Хитуны и прочая, и прочая...

Министр Макаров заявил в третьеиюньской думе:

— Так было и так будет впредь!

Министр Макаров лишь повторил в думе то, что не раз говорил в том же тоне на месте ротмистр Трещенков.

Прав был думский депутат, рабочий Кузнецов, когда ответил Макарову:

— Нас всегда расстреливали, и мы знаем, кто нас расстреливал! Мы знаем, что и 9 января на Дворцовой площади нас расстреливало самодержавие!

Макаров давал свое об'яснение в Государственной думе 11 апреля 1912 года на запрос думской фракции социал-демократов.

Необходимо сказать: ни в этом заседании Государственной думы, ни в каком-либо ином, ни словом не обмолвилась в защиту ленских рабочих Сибирская думская группа. Как воды в рот набрала. Как будто Лена — не Сибирь, и как будто сибирские депутаты не обязаны были выступить на защиту сибирских рабочих.

Но в том то и дело, что сибирская депутатская группа — кадеты, трудовики и меньшевики — подчинялась всецело руководству кадетской партии и открыто поддерживала союз царя с банками.

Единственный адрес, по которому вопль терроризованных ленских рабочих был услышан, — это думская рабочая фракция. И услышан не только рабочими думскими представите-

лями, а и всем российским рабочим классом. Услышан и правильно понят.

Уже с 8 апреля, как только получена была думской фракцией телеграмма, вышел в трауре номер «Звезды». И начались рабочие забастовки протеста. Откликнулись на братский призыв рабочие голоса со всех концов необ'ятной царской России: из Питера, Москвы, Риги, Киева, Гельсингфорса, Баку, Ростова, Самары, Саратова, Сормова, Варшавы, Вильно, Одессы, Херсона, Николаева, Екатеринослава, Архангельска, Вологды, Белостока, Юрьева, Юзовки, Бобруйска, Нахичевани, Нижнего Новгорода, Луганска, Сосновиц, Томска, Хабаровска, Киренска...

Целых шесть лет контрреволюции не говорил так громко и дружно российский рабочий класс, как он заговорил после Лены. И еще миллион двести тысяч было поднято ленцами на забастовки в течение года.

1912 год открыл новую полосу российского рабочего движения — полосу революционых стачек, своевременно и ярко отмеченную Лениным:

«Год стачечной борьбы после Лены, этот год показал — вопреки жалким воплям либералов и их подголосков.... — показал, какое великое незаменимое оружие выковал себе социал-демократический пролетариат в революционную эпоху для агитации в массах, для пробуждения их, для привлечения их к борьбе.

Революционная массовая стачка не давала неприятелю ни отдыха ни сроку...» [1]

Одна из многих десятков прокламаций-откликов на Лену концентрирует общее рабочее негодование:

> «Товарищи! Покуда существует царский режим, вы не гарантированы, что завтра не повторится такая же бойня на любом заводе, на любой фабрике!..
>
> Вдумайтесь только: ваша жизнь находится в руках кучки воров и грабителей, которые зовутся капиталистами-эксплоататорами. Ваша жизнь находится

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XVI, стр. 485.

в руках кучки палачей и вешателей, которые зовутся правительством Николая второго...

Довольно! Надо устранить эту мерзость из жизни. Об'единяйтесь же, товарищи, собирайте свои разрозненные силы... Готовьтесь к великой борьбе, которая освободит вас от черных когтистых лап самодержавия. Уже близок час: вторая российская революция за плечами!»...

Предсказание оказалось чрезвычайно близким к осуществлению: Февральская революция, а за ней и Великая Октябрьская социалистическая революция действительно была уже за плечами.

7. ФАЛЬСИФИКАЦИЯ СЛЕДСТВИЯ

Не телеграммы ленских рабочих в разные министерства, не жалобы их к председателю Государственной думы и депутатам-кадетам заставили правительство задержаться на ленских событиях.

На жалобы самодержавие всегда отвечало одинаково — по-трещенковски и по-макаровски: «так было и так будет впредь!»

Только буря негодования рабочего класса, боязнь, что негодующее сочувствие может сегодня же превратиться в активную действенную защиту — боязнь нового 1905 года вынудили правительство на видимую уступку.

Царь назначил сенаторскую ревизию. После пятого года самодержавие не раз прибегало к такому очковтирательству: сенаторская ревизия все оставляла по-старому, но успокаивала широкие обывательские круги.

И на этот раз член Государственного совета, бывший министр, сенатор Манухин был «облечен высочайшим доверием». Так облекают иной раз шута в маскарадный костюм короля.

— Для нас, рабочих, не нужно никакого расследования, — заявил с думской трибуны рабочий депутат Кузнецов. — Для нас причина ясна: мы знаем, кто является главным виновником массового убийства рабочих на Лене!..

Сенатор Манухин не торопится — ведь на прииски теперь уже не попасть до навигации. Он знает и русскую поговорку:

поспешишь — людей насмешишь: слишком свежие следы могут и подвести. И он весьма понимает высочайшую волю: нужно дать время навести на месте порядок — маскарад должен себя оправдать.

И так называемое «общественое мнение» с удовлетворением ждет результатов высочайшего благоволения. Скачут в Иркутск добровольцы-адвокаты, эсеровские и меньшевистские, из молодых да ранние, — в качестве сенаторских подпевал. Затихает на время и приспособляется к высочайшей директиве местная администрация.

Для нее теперь уже ясно: какой-то козел отпущения, хотя бы на короткое время, должен быть найден. Кого-то нужно принести в жертву для видимости. И нужно найти мелкую рыбешку, чтобы остались в тени крупные осетры. Стрелочники для того и созданы, чтобы отводить на себя вину железнодорожных тузов, нести за них целиком всю ответственность.

Изворотливый губернатор Бантыш уже создает дымовую завесу и готовит громоотвод.

12 апреля он получил переметную телеграмму Тульчинского:

> «Насколько хватал мой взор, я видел безусловно невооруженную толпу.
>
> Мною было констатировано оставление толпой кольев, кирпичей и пр., так как никто из судебных властей не вызывал меня на место катастрофы. Но после посылки телеграммы 360[1] (4 апр.) по собственному почину на следующий день осмотрел в народном доме сравнительно ничтожное количество указанных предметов, которое было собрано, по словам Трещенкова, на месте катастрофы. Телеграмма 360 составлялась в тот же вечер, совместно со всеми чинами администрации. Фраза о вооруженной толпе была включена мною на основании утверждений Трещенкова».

[1] Та самая телеграмма, в которой Тульчинский подло клеветал на рабочих: «толпа, вооруженная кольями, кирпичами, камнями, угрожающе надвигалась на войска»...

Так чистоплотный пес обихаживает своим языком собственное подхвостье.

Провокатор пытается загодя смыть кровь с своих рук.

И для губернатора совершенно ясно: этот скользкий налим, предающий сейчас и Трещенкова, и чинов администрации, не задумается, если понадобится, предать и его, Бантыша. Надо его ввести в русло, а может быть и использовать его переметную тактику.

И губернатор Бантыш посылает своего неофициального следователя-наперсника — чиновника особых поручений М а й ш а.

Шустрый наперсник получает, повидимому, от патрона специальную инструкцию — т о п и т ь с т р е л о ч н и к о в. Он носится по приискам, измеряет ширину дорог, по которым двигалась толпа на Надеждинский. Он самолично считает собранные на месте расстрела палки.

И обо всем подробно информирует Бантыша:

> «Во время стрельбы часть рабочих бросилась, чтобы укрыться за штабелями леса, и сломала деревянную изгородь. Мною установлено при осмотре местности, что палки в количестве 51 штуки, как вещественное доказательство, именно о б л о м к и э т о й и з г о р о д и...
>
> У 40% раненых по характеру ран видно, что они получены в лежачем положении.
>
> ...Я хорошо понимаю, что товарищу прокурора Преображенскому, Хитуну и Трещенкову надо создать обвинительный материал, иначе их положение ужасное. А потому они, пользуясь служащими Лензото, громоздят его кучами...
>
> Трещенков... присутствует при допросах и осмотрах раненых, что стесняет нормальное течение следствия, так как его боятся...
>
> Версия, что толпой было решено напасть на войска, не в ы д е р ж и в а е т к р и т и к и. Не шли бы с голыми руками, имели возможность взять оружие — у многих оно имеется; захватили бы динамит, могли напасть на войска ночью... А. Б. М а й ш».

Совершенно очевидно: расторопный чиновник особых поручений собирает обвинительный материал против Трещенкова. Он допрашивает Тульчинского, исправника Галкина, судью Рейна... Он, можно сказать, организует их показания: все они согласно, центром своих показаний и козлом отпущений выставляют Трещенкова.

Изворотливый чиновник Майш — это Манухин губернатора Бантыша. Он организует генеральную репетицию того следствия, которое будет затем производить манухинская комиссия. Все уже подготовлено заранее, все главные свидетели введены в русло, все они свои показания подписали, и, разумеется, будут их придерживаться.

И никто из допрошенных Майшем в своих обвинениях выше Трещенкова не поднимается. А это именно и требуется. Чиновник особых губернаторских поручений выполняет свою задачу с честью. В конце своего следствия, через три недели после начала, он уже успокаивает своего патрона и относительно Трещенкова: наше, мол, следствие ему нимало не повредит...

> «...Сегодня еду на прииски. Трещенков говорит, что ему передал приехавший жандармский ротмистр, что департамент полиции его действиями очень доволен, благодарит и просит ничем не смущаться. 23 мая.
>
> А. Б. Майш».

Улита едет, когда-то будет... Сенаторской ревизии уже нечего будет искать. Трупы сгниют, раненые выздоровеют и пораз'едутся, или встанут на работу: их показания уже утратят всякую остроту, и правильность их станет весьма относительной.

Администрация Лензото уже подготовилась к вывозу бастующих с приисков и нанимает новых рабочих. Свидетельские показания непосредственных виновников организованы.

Настроение бастующих подавленное. Вначале, после думского запроса и назначения Манухина, многие из них рассчитывали на действительное проведение расследования. Но сенаторская комиссия медлила. Зато местная власть и администрация «Лензото» торопились. День за днем подчищаются и замазываются следы преступлений.

И наконец рабочим дается семидневный срок для получения расчета и выезда с приисков.

Об'явление подписано уже генерал-губернатором Князевым. Об'явление рассчитано на определенную реакцию, — на прорыв единого фронта рабочих. Это отчасти удается. Александровский прииск просит Князева о содействии его переговорам с администрацией Лензото о новых условиях...

На другой же день генерал-губернатор сухо им отвечает:

> «Оставаясь при неоднократно мною уже высказанном рабочем убеждении, что единственным разумным, в интересах обеих сторон, выходом из созданного забастовкой положения является возвращение к работам... я по возбужденному прошениями ходатайству от 30 мая входил в личное сношение с главноуправляющим И. Н. Белозеровым. 31 мая.
>
> Ген.-губ. Князев».

Замечательная настойчивость, присущая всему противорабочему фронту — правлению Лензото, горному надзору, приисковой полиции, губернской администрации «становись на работы»! Этот хозяйский лозунг является основным во всякой забастовке, независимо от ее хода. Оторвать рабочего на работы от забастовки значит поставить его на колени и вернуть спокойный сон и хорошее пищеварение хозяевам и власти. Об этом свидетельствует вся история борьбы рабочих с хозяевами во всем мире.

Вот почему на другой же день после князевской телеграммы главноуправляющий Белозеров принял выборных от рабочих всех приисков. Но принял так же, как в крепостное время «принимал» барин крестьянских уполномоченных. Белозеров соблаговолил выйти на крыльцо своей квартиры, выборные (их было 21) стояли около крыльца. Так и происходила их беседа, о чем свидетельствует протокол — отчет выборных.

Белозеров. Вы просили, чтобы я вам пояснил кой-какие неясности?..

Выборные. Мы просим, чтобы присутствовали здесь наши и ваши защитники.

Белозеров. Я с законами не знаком. А раз они законники, то и могут переговорить с нашим защитником отдельно.

Расчет выборных на приезжих адвокатов отведен сразу же решительно и просто: мы с вами можем разговаривать лишь о работе, а не о законах.

Выборные. Будут ли приняты на работу все рабочие?..

Белозеров. Этого невозможно сделать: нехватит помещений — есть вновь нанятые рабочие. Кроме того, Васильевский, Успенский, а, может быть, и Андреевский работать не будут.

Выборные. А как же наши семьи?

Белозеров. Вы бы их навезли 300, или 400. А куда я их помещу?

Выборные. Как понимать безвозмездное освещение «общего пользования»?

Белозеров. Будут даны лампочки: одна — у коридора, другая — посреди казармы.

Выборные. Но ведь освещение должно быть для каждого рабочего...

Белозеров. Вы будете играть в карты и хотите, чтобы товарищество вас освещало?..

Выборные. Почему не внесено в договор найма о непромокаемой одежде?..

Белозеров. Потому, что иногда ее и нехватает для всех... Но я вас не принуждаю — можете не наниматься!

Выборные. Относительно платы: ведь нельзя жить на рубль 45 копеек...

Белозеров. Если не желаете работать — не работайте: у меня голодного народа сколько угодно.

Положение совершенно ясное: «значительное улучшение рабочего быта», на которое упирал в своей телеграмме генерал-губернатор Князев, оказывалось одной видимостью. Администрация уже твердо стояла на позиции возвращения к прежнему положению. И она чувствовала свою силу: «я вас не принуждаю... не желаете работать — не работайте». И не администрация теперь уговаривает рабочих стать на работу, а власть хочет их заставить.

8. УЛИТА ПРИЕХАЛА

Наконец, 1 июня об'явилась и сама Улита — сенатор Манухин. И сразу начал с очковтирательства. Он нашел нужным прежде всего отменить распоряжение генерал-губернатора Князева о расчете рабочих и выезде их с приисков.

> «...Признавая присутствие бастовавших и бастующих рабочих на приисках Лензото во время высочайше возложенного на меня расследования необходимым, а потому принудительное удаление сих рабочих с приисков в порядке административном... недопустимым... — нахожу нужным отменить ваше распоряжение о принудительном выселении рабочих и отправке их в места приписки...».

Старый бюрократический волк и сам бывший министр знал, что делал, отменяя неумное князевское распоряжение: ему нужно было разрушить недоверие рабочих, прежде чем войти с ними в непосредственные отношения.

Весьма возможно, и даже наверное — отсталая часть рабочих ждала от Манухина справедливого расследования. Ее наивная вера в добро и правду получила значительную поддержку: наконец-то отольются волку овечьи слезы — виновные получат заслуженное, и все невзгоды последних двух месяцев будут возмещены несчастным рабочим.

И Манухин выжидает несколько дней эффекта от своего выступления.

А 4 июня он выступает с обращением уже непосредственно к рабочим:

> «Ныне мне предстоит со всех сторон изучить и во всей полноте выяснить условия быта и труда на приисках, и при том не по бумагам только и отзывам других лиц, но, главнее всего, в действительной обстановке повседневной приисковой жизни. Для надлежащего успеха такового исследования, мне совершенно необходимо видеть прииски не в бездействии, рабочих не в праздности, а при условии обыденного труда. Через несколь-

ко дней я приеду на прииски и установлю порядок об'яснений моих с выборными от рабочих, а также приема заявлений отдельных лиц.

Итак, с помощью божией, с молитвою за царя приступайте к работам.

Член Гос. Совета

сенатор Манухин».

Та же самая песня: приступайте к работам!.. Запевали ее и Тульчинский, и губернатор Бантыш, и генерал-губернатор Князев. С того же начинает и сенатор Манухин. Он лишь сдобрил ее ханжеством: «с божией помощью, с молитвою за царя»...

Буржуазно-либеральная печать расценивала тогда сенаторское приглашение стать на работы, как либерализм облеченного царским доверием большого человека, как искреннее его желание «в меру возможности» пойти рабочим навстречу.

Слухи об этом либерализме дошли до питерского правления Лензото. И правление забеспокоилось — учинило ему допрос через одного из своих воротил — барона Альфреда Гинзбурга.

На деле этот либерализм был, разумеется, лишь уловкой, обманным прикрытием действительных мотивов сенатора.

> «Манухин в разговоре со мною говорил, — успокаивает правление Лензото барон Гинзбург, — что убеждение его рабочих стать на работу было с его стороны главным тактическим шагом. Он не заблуждается относительно дальнейших намерений буйного элемента, но надеется, что большинство рабочих, раз встав на работу, не поддадутся дальнейшей агитации».

Значит, облеченная высочайшим доверием сенаторская ревизия уже договорилась и о биржевом доверии Лензото. На трупах убитых рабочих и за спиной живых сделка самодержавия с финансовым капиталом была оформлена. Рабочие оказались обманутыми — и проданными, и преданными.

Немалую роль в этом предательстве сыграли и добровольцы — «защитники» рабочих, — приехавшие после расстрела адвокаты.

— Керенский около нас, феодосийцев, — рассказывает рабочий Кудряшев, — три дня бился на собраниях, пока своим слезливым голосом не убедил большинство стать на работу.

Рабочие встали на работу, выговорив себе некоторые условия до окончания ревизии. В своих заявлениях они подчеркивают, что, не отказываясь от своих требований, встают на работу временно в интересах расследования. Договора не подписывают до рассмотрения спорных вопросов.

Но уже через пару недель (27 июня) рабочие Феодосиевского прииска (с ними именно бился три дня Керенский) подали сенатору Манухину заявление:

> «...На собрании рабочих... нашли, что не последовало тех существенных изменений, которые так дороги для нас, рабочих, так как порядок не изменился. Администрация приисковая та же, и «крепкий» белозеровский режим не изменился и в присутствии ревизии. Виновность Лензото не установлена и на него не наложено даже штрафа за все наши мучения и за все нарушения прежнего договора. Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекла виновников 4 апреля, а наши выборные невинно сидят в тюрьме, и, одним словом, не выяснена правда.
>
> При всех этих обстоятельствах рабочие считают подписать договор и остаться у ленцев в тайге невозможным при таких порядках, какие существуют в настоящее время.
>
> По окончании прений и при закрытой баллотировке (голосовавших 2.005 человек) 1998 человек против 7 — не приняли этих условий и к работе не приступают и желают вывоза в жилые и другие места, где они могут найти себе новые работы».

И в течение месяца, с 4 июля по 5 августа, было эвакуировано с приисков Лензото 7 партий:

Мужчин	4.724	8909
Женщин	2.123	
Детей	2.062	

6 августа управление приисками телеграфировало правлению Лензото в Питер:

> «Последняя партия рабочих ушла сегодня из Бодайбо. Все бастовавшие, за исключением полусотни, ушли. Вновь нанято около тысячи...».

Упавшие было в цене шеры вновь прытают вверх.

Финансовый капитал на Лене, закупивший самодержавную романовскую машину, остался и на этот раз победителем.

Но для царя-пайщика Николая Романова с его заплечными мастерами эта кровавая победа над рабочим классом оказалась уже предпоследней победой.

Ленская же трагедия 4 апреля 1912 года, как и трагедия 9 января 1905 года, стала и остается в истории рабочей революции памятной датой, вдохновлявшей пролетариат на борьбу на подступах к Великому Октябрю.

У Ленина записано:

«20 марта 1914 г. санктпетербургские заводчики решают ответить на стачки локаутом. За один день выброшено на улицу 70.000 человек в СПБ» (Санкт-Петербурге).

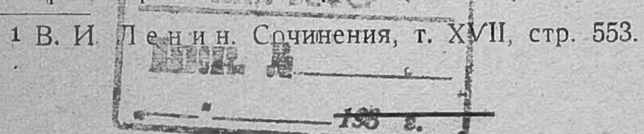
«Нелегальная организация нашей партии в СПБ, «Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П», в согласии с резолюцией партии, решает ответить на локаут революционной демонстрацией в день Ленского расстрела, 4 апреля».[1]

Партия возглавила революционную борьбу пролетариата, развернувшуюся после ленского расстрела и привела в 1917 году к великой победе пролетариата.

«Октябрьская революция... прорвала фронт мирового империализма, низложила империалистическую буржуазию в одной из самых больших капиталистических стран и поставила у власти социалистический пролетариат.

Класс наемных, класс гонимых, класс угнетенных и эксплоатируемых впервые в истории человечества поднялся до положения класса господствующего, заражая своим примером пролетариев всех стран» (Сталин).

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. XVII, стр. 553.

М

ОГЛАВЛЕНИЕ.

80 к.

